

Жанна Лебедева

www.arabesko.ru

ВЛАСТЕЛИН ЗИМЫ

16+

Жанна Лебедева
Властелин Зимы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лебедева Ж.

Властелин Зимы / Ж. Лебедева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вита лишь хотела накормить семью суровой зимой. Отправившись на запретный берег, она не представляла, что попадет в опасную передрагу, из которой так просто не выпутаться! Став свидетельницей важного разговора лесных ведьм, она попала в плен к их лютому врагу, сбежала, но так и осталась между молотом и наковальней. Ее все равно не отпустят, найдут... Так или иначе ей придется встретиться лицом к лицу с Властелином Зимы.

© Лебедева Ж., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

В оформлении обложки использованы фрагменты артов с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.

Жанна Лебедева

ВЛАСТЕЛИН ЗИМЫ

Пролог

Снег падал. Бесшумно ложился на землю огромными хлопьями, а маленькая Вита смотрела на него с крыльца.

Мимо прошла бабушка Герда. Закутавшись в белую шаль, отправилась к сараю – закрыть коз.

Снег все летел.

Вита ощутила, как тонкие щупальца стужи потянулись к рукам, обвили ноги. Холодный ветер выпорхнул из-за дальнего леса, накинулся, желая сбить с ног. Не осилив, зло вцепился в подол льняной юбочки и подкинул его, обнажив голые детские коленки. Они тут же посинели.

Из дома вышел дедушка Кай. От него повеяло теплом: жарко растопленной печью, табаком и острой приправой.

– Пойдем, – тяжелая рука опустилась на Витино плечо, – нечего тебе на бурю глядеть, а ей на тебя. Властелин Зимы сегодня не в духе.

– Почему он злится, дедушка?

– Своих ищет.

– Своих? – Вита испуганно вздрогнула и неосознанно закрыла ладонями грудь.

– Да. Тех, кто зимой отмечен. У кого в сердце снег, холод и темнота. Нелюдей. Пойдем в дом.

Вита послушалась. От дедушкиных слов стало не по себе. Она ведь тоже отмеченная. Неужели зима пришла за ней? Холод, снег, тьма... Неужели она такая? Или станет такой? Бессердечной, жестокой служанкой Властелина Зимы.

– Не бойся, – прочитал мысли дедушка. – Не всех он забирает, даже отмеченных. Мы к лесной ведьме ходили, помнишь? Она на тебя защитные чары наложила. Так что пройдет, рассосется еще твоя тьма – обернется светом, вот увидишь.

К ведьме они давно ходили, Вита и не помнила. Лишь обрывками – зелень, коряги, мох, землянка под еловыми корнями, запах плесени и грибов...

– Кай! Кай! – закричали с улицы.

Запустив в помещение снежный вихрь, ввалились соседи. Тетка Инга и ее муж Раул. Возбужденно замахали руками, загалдели:

– Там такое случилось! Такое...

– Да чего уж? – старик сурово взглянул на них, жестом велел Вите уйти, но она не ушла – спряталась за занавеской, укрывшей пологом вход в соседнюю комнату.

– Властелин Зимы Гана забрал! Представляешь?

– И темень с ним. Туда ему и дорога...

Вита полностью разделила отношение деда. Ган был сыном старосты. Мерзкий, заносчивый, жестокий. Он всегда ее обижал – обзывал замухрышкой, больно дергал за волосы, если представлялась такая возможность.

– Что ты! Староста услышит... – зашипела тетка Инга, затрясла испуганно обвислыми щеками.

– Ну и пусть, – отрезал дед. – Раз вырастил звереныша, пусть теперь на себя пеняет. Сколько ему говорили – зверь твой Ган, отведи его к ведьме, пусть зачарует темную силу,

что спит в его душе, – а он только отмахивался! Дескать, мы родовитые, царских кровей, с нами такая напасть не случается. Со всеми случается. Вот и в Гане тьма проросла – зверем его сделала.оборотнем. Всем оборотням одна дорога...

Вита знала, что дед говорит не про нее... Про всех, кроме нее. Но на душе заскреблись кошки. Стало мерзко и липко. «Всем... одна дорога». Она ведь тоже оборотень! Но это их секрет. Самый большой в мире секрет – ее, дедушкин и бабушкин. Еще ведьмин. Ведьма излечит от тьмы. И никто не вспомнит потом. Никто не узнает...

...и не найдет ее Властелин Зимы!

Никогда...

Глава 1. Ученик ведьмы

Пятнадцать лет спустя

Над Игривицей разразилась буря.

Снег летел, бил в окна белыми плетями, осыпался на землю искрами. Дикий, колючий, злой. Ветер выл в трубе, запугивал, все пытался прорваться к людям, в тепло, да не выходило у него.

Вита натягивала сапоги. Ежилась под куцым тулупчиком, предвкушая, как схватит за лицо мороз, как ползет под шерстяную юбку, под хлопковые нательные штаны...

– Куда собралась? – строго спросил дедушка Кай. – В такую-то непогоду?

– Есть хочется.

У Виты живот прирос к спине. Последние дни было слишком холодно и голодно. Запасы почти подточили, а выехать в город не пускала пурга. Так и голодали.

Деревенские в Игривице стойкие. Здесь еды всегда мало, а зимы всегда суровы – привыкли. Но эта вышла из ряда вон. Бесновался Властелин Зимы, буянил, мучил! Так замучил, что совсем обессилели от голода, и Вита решила пойти – добыть чего-нибудь. Как периодически втайне от всех добывала.

Дед ее тайну знал.

Раньше ругался, запирал, стращал. Теперь Вита выросла, стала сильная, а дед совсем состарился и ослаб. Не мог уже ей указывать – да и дело такое! – понимал, что внучка права. Если еды не добыть, можно не пережить следующий снегопад. У них осталась последняя коза, и ту наверняка придется забить – заболела. Правда, Вита очень не хотела! Говорила – у козы козленок будет, надо оставлять. Лечить надо! Следующего года ведь никто не отменял.

И дед сдался.

Больше не перечил, просил только, чтобы была осторожной, как лиса. Чтобы к дальнему заливу за рыбой ни ногой. Там ее, конечно, много, но на залив – прямехонько! – глядят окна замка Властелина Зимы. Там он – за морем, у самого горизонта – обосновался во льдах. И лучше ему на глаза не попадаться.

Особенно таким, как Вита!

Дед и бабушка из дома почти не выходили и не знали, что снег занес все побережье так, что до другой воды не дойти. Один дальний залив и остался. К нему через лес тонкая дорожка протоптана – по ней ведьма ходит. У залива дорожка видна, но только деревенским – чужак не заметит ее, пропустит, сольется она со снегом, ослепит глаза белыми искрами. В лесу ведьмин путь и от деревенских надежно скрыт.

– Не ходи, – посоветовал дедушка Кай.

Вита промолчала, а он понял – пойдет. Именно туда, куда нельзя ходить.

– Надо, дед, – подтвердила догадку Вита.

– Будь осторожна. Там, в воде, Ган.

– Ган – щенок! – сердито бросила, натянула варежки, убрала волосы под бушлат и исчезла за дверью.

– Ган – уже дракон, – с тревогой произнес ей вслед дед.

Вита услышала последнюю фразу, нахмурилась. Тоже мне, дракон! Обычный леопард – леопардовый тюлень. И пусть внешностью он действительно больше походит на дракона, чем на тюленя – суть остается сутью.

– Глупый Ган мне не страшен, – шепнула она начинающейся выюге и пошла к заливу, кутаясь в старый тулупчик, прижимая к груди скомканный мешок.

У кромки залива выюга улеглась, словно покорная собака у ног охотника. Снег, частый, крупный, стал падать ровно сверху вниз, хоть линии к земле по нему черти.

На берегу Вита встала и осмотрелась. За снежинками темным гребнем тянулся лес, и не было в нем никакого движения. Кроны недвижны, остры, натянуты к холодной бледной выси.

У пары больших камней нашлось укромное местечко, чтобы скинуть одежду и, ежась, прыгнуть босыми ступнями на снег. Пройти несколько шагов и замереть на обледелом песке, там, где земля смыкается с водой...

... и с разбегу броситься в воду.

Птицей.

Говорят, птицам место в небесах, но Витина птица была особенной. Она не могла оторваться от земли, но с легкостью парила под водой, опускаясь до самых глубин.

Иногда она ныряла так глубоко, что из зеленоватого подводного мрака поднимались навстречу крыши древнего города, что утонул много тысяч лет назад. Ниже крыш Вита обычно не спускалась – страшно было.

И теперь, обернувшись черной, коротколапой и короткокрылой птицей, Вита понеслась через холодную морскую мглу, отыскивая и выхватывая на лету мелких рыбешек, чтобы вернуться с добычей на берег и сбросить ее, серебрящуюся, в раззявленную пасть холщового мешка.

Она носилась так около часа, пока мешок не наполнился до краев. Хотела зайти в воду еще один, крайний, раз, но передумала. На далекой льдине – метрах в трехстах от берега – вырисовался черный змееголовый силуэт: длинные челюсти, гибкая шея. Глаз блеснул алым – даже отсюда видно! Будто уголь, раздутый ветром, вспыхнул и погас...

Ган. Точно Ган! Будь там другой леопард – не светил бы досюда глазами. Да и не в них дело, не в глазах! Вита сердцем чувствовала тревогу. Опасность.

Сегодня в море больше нельзя.

В подтверждение мысли выступили из далекой, что у самого горизонта лежит, дымки мутные очертания замка Властелина Зимы...

– Эй, деревенская! Ну, привет, – сказал кто-то за спиной.

Вита вздрогнула, подскочила на месте – благо, уже успела человеком перекинуться – и повернулась. Вот только одежду еще не надела всю до конца – слава Солнцу, хоть нательную рубаху и штаны натянуть успела. В паре метров от нее стоял высокий юноша в ладном полушубке, дорого расшитом по краю бирюзовым. В бушлате, из-под которого торчали соломой не по-зимнему солнечные, желтые волосы. Зеленые глаза смотрели оценивающе и хитро.

– А ну отвернись сейчас же! Негодяй! – грозно вскрикнула Вита и, подхватив из мешка скользкую рыбину, швырнула ее незнакомцу в лицо.

Ловко получилось. Рыбина ударилась боком о его щеку и кувыркнулась в снег. Парень понял, отвернулся и заявил примирительно:

– Да ладно тебе. Я не специально. Сам на ручей ходил, туда, где в море с обрыва сток. Вижу, кто-то у камней возится. Дай, думаю, посмотрю.

– Посмотрел? – нахмурилась Вита. – Вот и иди-проваливай!

Она злилась. Первый раз так не повезло! Попасться у самой воды, и неизвестно еще, только в исподнем ее этот любопытный видел, или... Про «или» не хотелось и думать. Если увидел ее этот парень в птичьем облике – все! Конец ее тайне. И спокойной жизни. Если в Игривице проведает, что она оборотень, изгонят навсегда. И деда Кая с бабушкой Гердой тоже – за ложь, за страшную утайку, коей не должны были совершать самые уважаемые люди деревни.

Парень вроде бы не сильно удивлялся, значит, тайну узнать не успел. Сейчас его, кажется, больше заботили Витино одиночество и ее же расхлябанный вид. Еще бы, не каждый день на пути полуголые девицы встречаются. Да еще и зимой.

Вита парня не боялась. Постоять за себя она умела – дед научил. Да и сила у оборотней в любом случае поболее человеческой имеется. Ненамного, но на одного соперника хватит.

Парень вел себя мирно. Он не пытался пугать, наоборот, хотел понравиться и вывести разговор на добрую сторону.

– Ты из Игривицы же, верно? Я видел тебя...

– А я тебя у нас не видала, – Вита сурово оборвала начатую собеседником фразу.

– Так я ведь... не у вас. Я ведь... в большом селе на ярмарке... – попытался оправдаться парень.

– Понятно, – Вита сдержанно качнула головой и оценивающе оглядела собеседника с головы до ног. – Как зовут-то тебя?

– Данияр. А тебя?

– Вита.

– Злая ты, Вита. Отчего? – Данияр дурашливо склонил к плечу голову, став похожим на молодого глуповатого пса.

– Дел много. Рыбу надо домой снести, приготовить. Еще коза заболела, лечить надо.

– Коза, говоришь? А знаешь ли ты, Вита, что перед тобой сейчас стоит лучший знаток козых болезней? Да чего там козых – любой скотины!

– Не верится что-то, – Вита снова смирив собеседника взглядом. Хвостун, похоже, тот еще...

– Я ученик лесной ведьмы, – поспешил разъяснить парень. – Сейчас вот лекарское дело изучаю. Мне как раз на скотине тренироваться надобно. Коза твоя очень кстати. Идем?

Он протянул Вите раскрытую ладонь в белой митенке.

– Куда? – насторожилась девушка и отступила на шаг.

– В ведьмину избушку за лекарством, – шепотом пояснил Данияр.

Мешок с рыбой остался на берегу, зарытый снегом и прижатый к земле куском тяжелой льдины, чтоб не добралось прибрежное зверье.

Данияр первым шел по лесной тропе, Вита за ним. Она волновалась и не верила до конца, поэтому руки не подала – пропустила вперед – и теперь удивлялась, как вспыхивает по краям тропы всполох потайного морока, сливая ее со снеговой толщей, чтоб скрыть следы. Чтоб не нашли.

– Ведьмы точно не будет дома?

– Нет. Она улетела на важную встречу. Будет послезавтра, а то и вовсе к концу недели, если пурга сильная поднимется.

– Ладно тогда.

Данияр зашагал быстрее.

Тропа сузилась, подступили к ней вплотную чешуйчатые рыжие сосны и разлапистые елки. Схватили за одежду, вцепились рьяно, желая одернуть, попытались обернуть назад, заставить одуматься.

Вита ведьму помнила и боялась. Помнила ее глаза, маленькие, утопленные глубоко в черепе, алые, как угольки. Помнила одежду, бесцветную, тусклую, как паутина, невесомую и одновременно густую. Помнила голос, скрипучий и величественный. Холодный. Не зря говорят, что ведьму опасается сам Властелин Зимы.

Не зря.

Истощенная лесом тропка, наконец, привела их к избушке.

Вита и избушку помнила. Каждое бревнышко, зазубрины от топора справа от тяжелой двери, глубокую трещину на нижнем венце. Там, внутри жилища, сквозь эту трещину дуло. Колкий сквозняк пробирался во тьму ведьминой горницы и трепал лекарственные травы в глиняных горшках. И волосы ведьмы, белые, будто снег.

– Тс-с-с! – провожатый прижал палец к губам, пригляделся, прислушался. – Тихо. Все спокойно. Иди за мной в сени, на крыльце не маячь. Я найду тебе козью настойку и дам, – осыпал распоряжениями и настойчиво схватил за запястье, желая затянуть в дом.

Вита не потерпела прикосновений, ловко вывернула руку и недовольно фыркнула:

– Сама дойду, не трожь.

Данияр обиженно хмыкнул и первым нырнул в темный проем. Вита за ним.

Их окутал запах сухих трав: свежий аромат мяты и мелисы, острый – календулы, медовый – от пижмы, нежный – от донника, приторный – от жасмина. Вита потерла нос и принялась разглядывать вырезанные на стенах знаки и символы.

– Сейчас найду, а ты готовься, – бросил через плечо Данияр, бодро роясь в настенном шкафу со склянками.

– К чему? – насторожилась Вита.

– Отблагодарить меня надо.

Данияр сиял. В его блистающих глазах и мечтательной улыбке отчетливо читалась незамысловатая симпатия, которую парень даже не пытался скрыть. С чего бы? Вита ведь повода ему не давала, наоборот, старалась держаться поглубже и порезче, чтобы опасался. Так спокойнее и проблем меньше, а он, видишь ли, заигрывать вздумал.

– Мы так не договаривались, – прорычала грозно, но Данияр был настойчив:

– Сама могла догадаться. Дело рискованное, нужно отблагодарить. Поцелуй, с тебя ведь не убудет?

– Не договаривались мы на поцелуй.

– Не ломайся. Ишь, недотрога какая...

На улице прошелестели по снегу шаги нескольких визитеров. Трех, кажется. Данияр по-песью вскинулся и весь затрясся мелкой дрожью.

– Ведьма. Госпожа Ведьма вернулась... – прошелестел одними губами, почти без звука, но Вита услышала и тоже испугалась.

Еще не пойманные врасплох, они живо метнулись за печку и прижались там друг к дружке, как перепуганные воробьи. И вовремя. Спустя миг тяжелая дверь отворилась, впустив в комнату ленты холодного воздуха, и снова закрылась.

– Убери свою магию, Чернороза, я не терплю чужой ворожбы.

Незнакомый властный голос назвал знакомое имя – имя ведьмы. Чернороза. Вита была ближе к выходу из их с Данияром укрытия, поэтому одним глазком наблюдала за происходящим.

Пришли четыре женщины. Знакомая лишь одна – ведьма Чернороза. Она здорово составила с тех пор, как Вита видела ее последний раз. Давно это было. Слишком давно, но все же в сморщенном, посеревшем лице угадывались виденные ранее черты – крючковатый нос, густые, сросшиеся брови и наполненные непроглядной тьмой глаза с алыми искрами на дне.

Три спутницы Чернорозы были Вите незнакомы. Одна – седая и очень высокая, похожая на серебристую старую березу, вторая – коренастая, как подгорный гном, по самые глаза закутанная в цветастую шаль, третья – как сама Чернороза, темноглазая и носатая...

Ведьмы начали говорить. Непонятно, коротко, тихо. Это был чужой язык – ни одного слова не понять, но по тревожному тону и тайной обстановке Вита интуитивно поняла, что обсуждается что-то серьезное...

Глава 2. Зверь холода

Ган выскользнул из воды на берег, неуклюже прополз по нему серой тушей до того места, где холодный, посеребренный солью песок сходиллся со снегом, и поднялся на ноги человеком.

Вода стекала по его дымчатым волосам, по серому с темным крапом плащу, по кожаной, металлического цвета броне. Звериная тень – морской леопард, грозный хищник окованных льдами морей – некоторое время колыбалась в воздухе, а потом исчезла.

Ган ступил на снег и принялся. Ветер бросил в лицо горсть снежинок, вперемешку с остывшим запахом Игривицы: ароматный дым печей, козий дух, хлеб, молоко, человеческая кровь.

Деревня не интересовала слугу Властелина Зимы – в данный момент у него имелось особое задание, важное и неотложное. Отыскать ведьму. Всех ведьм, что, по слухам, по раздобытым немыслимым усилиями сведениям, собрались на пятилетний совет. Выследить их оказалось трудно, почти невозможно, даже тонкий нюх оборотня не помогал против магии, заговоров и чар, против волшебных зелий и трав, способных отвести любой взгляд и спутать любое чутье.

Никто из слуг Властелина Зимы ведьм так и не отыскал. Ган тоже пока не смог, но он не сдался и пошел иным путем – разнюхал про ведьминоho ученика, который, в отличие от самой ведьмы, был не таким усердным в плане хитростей и уловок, а посему умудрился наследить на побережье. Там Ган и отыскал его следы. Жаль, куда они ведут, выяснить не получилось – свой путь до заветного убежища мальчишка умело скрыл.

Зверь двинулся вдоль берега. Запах Игривицы стал отчетливее, ярче. Теперь стало ясно, что источник его – не случайный порыв ветра. Его на себе принес человек. Женщина. Дева. И запах ее с запахом ведьминоho мальчонки перемешан.

Надо найти.

Мальчишку-ученика или деву. Хоть кого-то из них.

Бесшумным широким шагом Ган поднялся из-под берега к лесу. Там, глянув на омытую морем, заброшенную бурей на кручу черную коряжину, поднял руку и потребовал: «Дай коня!», и хитрый дух Хати-Йоремуне, владыка метаморфоз, послушался.

Встал конь посреди снежной поляны – безглазый, черный, корявый весь, со стороны на сторону перекошенный. Ног у него пять, ноздри три. И уши – одно посреди лба, другое на шею сдвинуто.

«Дай упряжь!» – новый приказ, и первая горсть снега, брошенная на глянцевою спину, стала седлом. Вторая растеклась по бугристой морде уздечкой, повисла на шее поводом.

Ган кивнул сам себе – сойдет – вскочил на спину коню, дал новый приказ: «Нюхай!». Деревянный конь ответил воем ветра и скрипом мучимого бурей леса, заскулил, застонал. Взял след и пошел по нему, утопив в снежных клубах уродливую голову.

Ученик отыскался неожиданно быстро.

Он стоял у лесной опушки и исходил искристым алым заревом. Это аура его пылала от лишних эмоций и чувств. Пылала так, что видно было издалека...

Ган сморщил нос, оскалил человечьи свои зубы. Гадость. Эмоции. Чувства... Глупость! И слабость. А слабых жалеть нельзя. Ган вообще никого не жалеет, но таких, расчувствовавшихся – особенно.

Мальчишка поздно заметил всадника. Всполошившись, накинуд морок и зайцем метнулся в сугроб, но Ган отследил движение и пустил коня рысью вслед летящей над снеговыми волнами зачарованной поземке.

Не уйдешь!

Поиграв с жертвой самую малость – погнав бедолагу под снегом – Ган вскинул руку и ударил по воздуху наотмашь. Тут же грянул гром, и холодная яркая вспышка озарила сосновые кроны. Посреди мягкой белой кучи обелиском выросла глыба льда, с застывшим внутри человеческим телом. Глаза горят, руки вывернуты, рот перекошен криком...

Попался.

Ган приблизился, спрыгнул на землю из седла. Улыбнулся сам себе, радуясь собственной силе, наслаждаясь ею. Велика мощь Властелина Зимы, и с верными слугами своими он делится ею щедро. Все подвластно им – и дикие леса, и злые морозы, и яростные глубины бездонного северного моря. Слуги Властелина Зимы – великие колдуны! И нет никого сильнее них на этом краю света.

Широкая ладонь легла на прозрачный бок ледяной глыбы. Сейчас она стала ведьминому ученику тюрьмой, потом, после допроса, станет могилой. Пальцы утонули в глянце, растопили его, заставив глыбу оплыть, растечься водой, выпустить наружу светловолосую мокрую Даниярову голову.

– Что тебе нужно, зверь проклятый? – простучал зубами пленник, едва разлепив посиневшие от холода губы.

– Что мне надо, я возьму, – коротко ответил Ган и тяжело хлопнул на лоб Данияра свою холодную ладонь.

– Будешь пытаться? – голос мальчишки опасно дрогнул.

– Нет. Просто возьму то, что мне нужно.

Средний и большой палец уперлись в виски, стиснули голову пленника ледяным тугим обручем. Больно.

– Я ничего не скажу.

– И не надо...

Ган надавил сильнее, и парень потерял сознание. Теперь его память раскрыта, как книга. Все его мысли, даже самые сокровенные, самые тайные... Но такие Гану не нужны. Он ведь не ради праздного любопытства в Данияровых мозгах копается. Ради дела. Ему ведьма нужна... Ведьма. Ведьма!

Ага, вот! Уже близко... Утро этого дня. Зимний лес. Дорога в снегах – извилистая, так и норовящая сбросить – потайная. После – берег, и яркая звездочка на его бесцветном фоне. Девушка. На какой-то миг голая... Торопится одеться, сердится, смотрит опасно и зло... Бьется пузом о снег толстая рыбина у ее ног... «Проваливай!» Дева, как зверь, скалит зубы, закатывает выше десен верхнюю губу, сжимает кулаки... «Я – ученик ведьмы»...

Красивая.

Она красивая в глазах мальчишки. И Ган теперь смотрит его глазами и чувствует его сердцем. Оно колотится, распуская по телу сотни колючих импульсов. Волнение. Похоть. Желание. Страх. Восторг. Тоска. Томление. Восхищение. Жалость, что никогда не случится... Надежда...

Ган даже встряхнулся, желая сбросить с себя сугроб ярких и чужих ощущений. Брезгливо поморщился. Все это – слабости! Непозволительно. В сердце воина должен быть лед, что крепче стали. Да только проклятый Данияр не унимается, и мысли его несутся вспугнутыми

птицами. Перед глазами дева – и дева эта затмевает все кругом. А сама что-то про больную козу приговаривает. Как движутся ее губы, замедленно, волнующе, вкусно, призывно...

Сладкие, должно быть, ее губы...

Ган снова встряхнулся, беззвучно обругал Данияра, стиснул со злости его череп так, что под пальцами затрещало. «Ведьму мне дай, а не на девку пялся! Истинное ее лицо».

Данияр послушно показал дорогу и ведьмину хибару. И снова с ним дева. И снова он на нее как на чудо чудное глядит, глаз отвести не может. Не хочет...

В какой-то миг Ган захлебнулся Данияровыми чувствами, они его захлестнули, затекли в самую душу настойчивой резвой водой. Хватит! Уймись! Дай лицо! Дай же...

В мальчишкиной памяти все вдруг смешалось, пошло кругами и пятнами, снова мелькнул образ девушки, потом темнота и дыхание, громкое, шумное... Что еще? Ган не сразу понял, а потом разобрал. Двое – девка и его пленник – спрятались от ведьмы за печкой. Зазвучали голоса – четыре голоса! Ган аж на месте заплясал, как почуявший добычу охотничий пес. Не одна, а четыре ведьмы! Хорошая будет охота с такой-то добычей! Ну же, лицо! Хоть одно из четырех... Дай.

Мальчишка лишь сильнее забился за печку. Повернулся на свет и обласкал взглядом черный силуэт девушки. Она ближе к выходу из укрытия стояла и пока этот дурак, Данияр, на нее тарашился, должна была видеть все. Лица. Ведьм.

Бесполезно...

Ган сбросил руку с обледенелого мальчишкиного лба. Ничего там нет, кроме этой девки. Все сознание заполнила, всю память. Какие уж там ведьмы?

За спиной кто-то зашумел, завозился.

Ган обернулся, и глаза его вспыхнули радостно – девица! Легка на помине! Стоит, смотрит, как волчица, и тяжелую дубину обеими руками сжимает. Неужто приятеля своего спасти пришла?

И будто знакомая...

Будто видел он ее раньше, но забыл. Забыл, как всех людей из Игривицы. Забыл, и дал себе слово не вспоминать!

Больше никогда.

Глава 3. Пленница

Вита увидела след на снегу.

Рядом с тем местом, где сошлись вершинами два серых валуна.

Рядом с тем местом, где замерла в холщовом мешке задавленная ледяной глыбой рыба.

Рядом с тем местом, где так некстати или кстати попался ей на глаза Данияр.

След на снегу – огромный, от выплеснувшегося из воды на сушу гигантского тела. От страшного зверя холодного моря – слуги Властелина Зимы. Вот борозда – широкая, будто проволокли тут волоком целую ладью. Это Ган!

Ган вышел на берег и, перекинувшись в человека, ушел в лес. А может, и не в лес. Может быть, он отправился к деревне. Кто знает, что там, у Властелина Зимы на уме? Что, кроме черной злобы?

Далеко впереди, за высокими сугробами, из которых торчали макушки одиноко стоящих елок, раздались звуки. Необъяснимые, тихие, они пугали своей неопределенностью, но чуткая Вита сразу поняла, что у лесной опушки творится нечто недоброе.

И пошла туда.

Угадала.

Взгляду предстала жуткая картина: вмерзший в лед Данияр, посиневший, полумертвый, и Ган, сжимающий его голову безжалостной рукой. Черный уродливый монстр за Гановой спиной потянулся мордой в ее сторону, предупреждая... то ли Виту, то ли Гана.

Демоны мира!

Вита, не имеющая привычки отступать, огляделась в поисках оружия. Кусок обглоданной морем коряги сунулся из-под снега рядом с левой ногой и сам в руки прыгнул.

– Отойди от него!

Вита не узнала собственного голоса. В нем будто не хватало звука и мощи. И дрожь появилась...

Там Ган.

Ган!

Слуга Властелина Зимы отпустил Даниярову голову, позволив ледяной глыбе гулко опрокинуться на скрытые пуховым снегом камни. Развернулся медленно – никуда не торопился. Знал – что бы ни было, все сложится так, как угодно ему.

Приказал:

– Иди сюда.

Вита вскинула дубину, сжала зубы. В тот же миг ноги оплела лента искристого вихря и спеленала их, не давая сделать шага. Вита рванулась, пытаясь вырваться из снежных объятий, и новые белые плети опутали ее сильнее: шею, грудь, руки. До боли затянулись на запястьях – выжали оружие из рук.

Потом ее потянуло над землей к Гану.

Вита пыталась вырваться, забилась, как попавшая в паутину муха, но лишь сильнее затянула силки. Когда ледяные пальцы придирчиво коснулись ее подбородка, окольцевали нижнюю челюсть, пленница попыталась огрызнуться, но стоило только губам ее закатиться в оскале, прямо в кости пришел импульс невыносимого холода.

– Не дергайся. – Голос, наполненный уверенностью и властью, прозвучал над самым виском. – Отдай то, что мне нужно, а потом... – Ган на миг осекся. Лишь на один крошечный миг. Потому что внутри головы вспышкой мелькнули подслушанные, подсмотренные воспоминания Данияра. Женский образ, будоражащий инстинкты и желания... Ган хотел сказать «убью», но почему-то произнес, – отпущу.

Пленница ничего не ответила, только глянула на мучителя со злобой и скорбью. «Как жаль, что я не могу снова взять дубину и разнести ею в крошево твой череп», – читалось в ее глазах.

Ненависть.

И ни грамма страха.

Ладно... Ган упер пальцы в ее виски. Сдавил, желая поскорее добыть искомое, но из девчонкиной головы на него глянула тьма, гулкая и пустая.

Закрылась... Она закрылась! Как ухитрилась? Как смогла?

Ган склонился к перекошенному яростью лицу, чуть не носом в него уткнулся. В глубине девчонкиных зрачков плескались огоньки магической силы, задушенной, погашенной чужой могучей волей. Интересно, кто она? Неинициированная ведьма? Возможно... Но кто спрятал ее? Кто укрыл? Как посмели?

Ган подхватил пленницу с земли и забросил на плечо. Она была тяжела, как молодая олениха. Вся какая-то плотная, мускулистая. А там, где не мускулистая – костлявая. Неудобно впиалась в Ганово плечо своими костями. Прямо в старую рану попала. Ган поморщился и переложил ношу на два плеча, словно овцу, перекинув девичьи ноги и руки себе на грудь.

Понес.

За его спиной начал медленно вытаивать из глыбы Данияр, и черный конь вновь оборотился корягой.

Ган принес Виту к воде. Хотел перекинуться зверем, но не стал – зверю такую добычу до замка целой не дотащить.

– Дай корабль. – И рука, распластанная пальцами над водой.

Молчал Хати-Йоремуне. Ничего не давал. Да и не ему был отправлен этот приказ. Другому. И тот, другой – Хати-Ибиру, сторож морского дна, – наконец послушался. Всплыл из глубин корабль – такой древний, каких даже в старых дедушкиных книгах не рисовали. Длинный, с драконьей головой, весь поросший курчавой шерстью из темно-зеленых водорослей.

Сам подошел к берегу и лег на мелководье.

Ган зашел на борт. Глянув на зияющие в палубе дыры, взмахнул рукой, и они затянулись льдом. Виту спустил на холодные черные доски. Она не шевельнулась, так и осталась лежать, оцепеневшая, не желающая знать, что будет с ней дальше.

Корабль поплыл, и холодное море жадно облизало его борта.

Замок Властелина Зимы рос на горизонте голубой тучей.

Медленно плыл корабль.

Как ни просил Ган ветра, как ни требовал – ничего не выходило. Лишь морские чертоги, вода и снег подчинялись ему. Иногда выполнял приказы изворотливый Хати-Йоремуне – оборачивал нужными вещами валяющиеся возле берега камни, коряги и вырванные бурей пни. Бывало, что и лесной дух Хати-Амаро – огромный белый волк – подчинялся, но лишь зимой, когда леса его лежали под гнетом снега.

А вот воздух никогда не слушался Гана. Своеволен и упрям был Хати-Гаруди – птичий князь, владыка ветров. Не терпел быстроскрылый чужих приказов. Смеялся он над Ганом летом, а зимой уносился на юг и бросал без присмотра свои ветра, чтобы носились они над Северным морем свободные, дикие и никому не покорные!

Ган долго смотрел на небо, принимаясь, злился на опавший тощий парус. Ничего. Он устал. Хотелось есть, но броситься зверем в воду и насладиться охотой он не мог. Не оставлять же девчонку одну? Отойдешь далеко – ослабнут чары, и утонет корабль вместе с пленницей.

Пришлось снова просить у Хати-Ибиру:

– Дай гребцов.

Когда Ган произнес это, Вита скукожилась вся, прижалась спиной к борту. Догадалась, что будет, и страшно от этого стало. Откуда взяться гребцам среди моря? Ясно – со дна морского! А на дне морском живых людей нет.

Волны сильнее забили в борта. Корабль качнулся, дернулся и встал, будто кто-то вцепился в него под водой и не дал больше хода. Потянулись через борт костлявые руки...

Вита зажмурилась – смотреть на ожившего мертвеца не хотелось совершенно – поэтому она слушала. Вот перевалилось через борт мокрое тело, плёхнуло о старые доски корабельной палубы. Потом раздалися шаги – кто-то брел, волоча ноги, мимо пленницы.

– Чего хотел ты от ярла Арнберна, чародей? – прогудел трубный голос.

– Ветра нет. Корабль не идет, – ответил Ган. – Гребцы мне нужны.

– Гребцы, говоришь? Гребцы... Тридцать человек нужно этому карви, чтобы быстро по морю идти. От моей команды и половины того не осталось...

– Зови тех, что есть, – потребовал Ган.

Вите стало интересно взглянуть на этого самого ярла Арнберна. Судя по голосу, не такой он и страшный. И пусть, что мертвый! Она приоткрыла сперва один глаз, потом другой... Сердце екнуло, конечно, когда мертвец с голым черепом и остатками медной бороды вперился в нее пустыми глазницами.

– Здравствуй, дева-красавица, – прошамкал перекошенным ртом.

– Здравствуйте, – выдавила из себя Вита, решив не показывать страха ни перед утопленником, ни перед колдуном.

Ган смерил пленницу недовольным взглядом, подошел к ярлу и положил ему руку на грудь. Потекло из ладони холодное синее пламя и засветило желтый череп изнутри, как лампаду.

Вита насторожилась. Что это делает Ган? Зачем отдает мертвому часть своей колдовской силы?

– Вот тебе магия, ярл. Держи на воде корабль и подзывай своих людей, – пояснил коротко и понятно. – Я уйду в море на время, а после вернусь. Обещай, что корабль и девушка будут целы к моему возвращению.

– Хорошо. Будут.

Ган удовлетворенно кивнул и перекинулся через борт. Тяжело булькнула вода – видно, прямо в воздухе зверем оборотился и ушел, изнывая от голода, серо-мраморной тенью в глубину.

Так просто доверил все мертвецу, хотя мертвецы ведь обманывать не умеют. Они всегда честны, а обман – удел живых.

Вита проводила взглядом мелькнувшую среди волн могучую спину. Вот он – шанс! Глупый Ган.

Она встала и бесшумно подошла к борту.

Шанс.

Морской леопард далеко, но он быстрый, ловкий. Догонит, но...

... пока есть шанс, пробовать нужно!

– Осторожнее, дева! Карви качает волной, не выпади за борт, – предупредил, сверкая глазами, ярл Арнберн и, разгадав Витин план, предупредил. – Что ты удумала, глупая? Море убьет тебя...

Но Вита не стала слушать – прыгнула за борт и обернулась на лету. Торопилась и упала в воду неудачно – больно ударилась боком, но думать о боли было нельзя.

Понеслась что есть силы, но вода здесь была густа, как кисель, и держала, и не давала скорости, а где-то внизу, в черной морской глубине, зажигались неведомые огни, и от вида их становилось страшно до безумия.

Ган быстро почуял побег, быстро нагнал. Вынырнул откуда-то снизу, поддал головой, выталкивая вверх!

«Так вот ты какая! – пришла в Витину голову мысль от него. –

Значит, оборотень? Так и думал, что что-то с тобой неладно».

Вита пыталась уйти, отплыть в сторону, увернуться от толкающей ее на поверхность грубой морды с зажатыми щелями полукруглых ноздрей, но Ган будто издевался – играл с ней, как кошка с мышью. Наконец, поддал под живот хорошенько и зашвырнул через борт – обратно на палубу корабля.

– Ох, дева, ты будто птица морская? – удивился ожидающий там мертвец. – А я-то думал, утонула ты...

– Цела она, – ответил за Виту Ган, переваливаясь через борт на палубу следом за пленницей. – Больше не убежит.

Вита стиснула зубы и уставилась на гребцов. Их было шестеро, и корабль шел небыстро.

Она сидела под бортом, кутаясь в Ганов плащ. Ее собственная одежда утонула в пучине. Не умела она, как Ган, сохранить ее в целости на себе во время оборота, прятать с помощью колдовства в звериной шкуре, а потом целехонькую на место вернуть.

Ночь спустилась на море тяжелой тенью. Засветились в синем бархате небес золотые звезды. Поднялся ветер, оживил драный парус, дал карви скорости столько, сколько не хватало ему прежде, чтобы затемно достичь замка Властелина Зимы.

Звезды горели в небе, а из глубин отвечали им яркие огни, те самые, что напугали Виту, когда она пыталась сбежать от Гана. То были огни нижних миров. Вита слышала про них однажды от гостивших в деревне моряков. Сын соседки, белобровый Язи, что плавал на торговой ладье у богатого купца, рассказывал, как в ясную ночь сияют из-под воды неведомые города и манят путешественников переливами дивного света. Говорил он, что однажды вода была такой спокойной, а ночь столь беззвездной, что удалось ему, свесившись за борт, разглядеть иномирные дороги и площади, улицы и небывалые дома в тысячу этажей каждый... Вита не верила ему, думала – врет...

Видно, не врал...

Замок Властелина Зимы был все ближе. Он закрыл горизонт, растянулся, поднялся ввысь острыми зубцами. Подводные огни вокруг него горели особенно ярко. Слепили. Пугали.

– Стой, дальше плыть не нужно, – отдал приказ Ган, и гребцы замерли в миг. – Ярл Арнберн, той силы, что я дал тебе, хватит доплыть обратно, к месту вашего подводного упокоения, а корабль прими в дар за службу.

– Спасибо, слуга Властелина Зимы, и прощай. Покорных тебе ветров и спокойных морей.

Ган вскинул руку, и в небе грянуло, а потом по воде, что отделяла замок от корабля, пролегла ледяная дорога.

– Вперед, – жесткая ладонь толкнула Виту между лопаток, – иди первая.

Пленница послушалась и пошла.

Глава 4. Допрос

Ледяной зал был огромен.

Уходили ввысь его величественные белые своды, нависали над пришедшими, грозясь обрушиться и раздавить. Гулкое эхо шагов уносилось в темную вязь переходов, что начинались после зала и вели неизвестно куда.

Вита брела по бесконечным ходам этой ледяной норы, следуя за Ганом, упираясь взглядом в его широкую спину, покрытую крапчатым плащом цвета леопардовой шкуры.

Изменился Ган. Вита помнила его из детства другим. Тогда он был мелким и тощим – на голову ниже Виты и легче вдвое. А теперь хорошо так раздался в груди и плечах – мощен стал, хоть и жилист, а вот роста много не набрал – чуть Виту перерос, но и полголовы в том переросте не будет. И спокоен стал. Раньше задиристый был, вредный, наглый, все «замухрышкой» дразнился и норовил дернуть за волосы исподтишка. Сын старосты – все ему с рук сходило...

Он привел ее в зал с серым льдом. Кровавые прожилки в нем и замороженные в стены стальные кольца с цепями навевали тревожные мысли. Чутье говорило, что тут лилась кровь. Кого-то пытали, кого-то убили сразу...

Вита испугалась. Сонное оцепенение, охватившее ее с начала плена, спало, вернув в реальность. Что с ней будет? Что сделает Ган? Убьет? Замучает?

Он ведь может...

– Сядь, – короткий приказ, и нечто, подобное трону изо льда поднялось над полом, сверкая свежими ледяными гранями.

Вита послушаться не успела – волна колдовской силы ударила в грудь, уронила спиной на лед. Руки сами легли на подлокотники, и те протаяли, поглотив кисти, а потом вновь заледенели.

Надежные кандалы – не вырвешься из них.

Вита рванулась и замерла, осознав всю тщетность сопротивления.

– Что со мной будет? – спросила прямо, глядя в темные глаза пленителя.

– Ничего, если расскажешь мне все про ведьм.

Вита нахмурилась, отвела глаза:

– Что же ты у предыдущего своего пленника не спросил, пока его в глыбу вмораживал?

– Потому что болван тот ведьмин ученик, и она ему после каждой личной встречи мозги чистит. Он ее лица не помнит. А когда шанс был подсмотреть за ней из-за печки тайком, дуралей на тебя вместо ведьмы пялился. И ведьма-то там не одна была, а с товарками.

Витино лицо вспыхнуло румянцем, намеки на симпатию Данияра ее отчего-то злили, параллельно рождая неловкое чувство стыда.

– А я что? Помню, по-твоему? Я вообще на тех ведьм не смотрела...

Вита попробовала соврать, но Ган пропустил ее ложь мимо ушей, протянул руку и сдвинул виски холодными пальцами. Ощувив, как напряглась пленница, посоветовал:

– Расслабься, легче будет. И мне, и тебе. Здесь, в замке, силы столько, что хватит тебя наизнанку вывернуть.

Ничего не ответила Вита, лишь зубами презрительно скрипнула.

– Пошел ты...

Она неуклюже дернулась, но сделала только хуже – плащ, что по прежнему был у нее на плечах, предательски распахнулся, открыв взору Гана живот, бедра и грудь... В его голове подло шевельнулись воспоминания и образы из головы Данияра.

Ган стряхнул их резким движением, повел плечами, нервно задернул на Вите плащ и поспешно нырнул в голову девы.

Память ее раскрылась, как книга. Последние дни – ярко. Что подальше – мутное, словно в тумане. Вот день встречи с Данияром, вот обещает мальчишка Вите лекарство для козы, хорохорится, от собственной важности и значимости довольный! Вот изба, а вот ведьмы... ну же, давай лица!

Показались лица. Два – отчетливые и ясные, одно – расплывчатое, а еще одно – черная клякса, дыра в душном пространстве темной комнаты. Но хоть так.

Ведьмы были незнакомые, ни разу не виденные Ганом на побережьях Зимы. Лица неузнаваемы лишь пока они под мороком, но стоит мороку спастись – сразу вспомнятся все былые, незамеченные встречи, проступят в памяти знакомые черты.

Старую ведьму, что жила близ Игровицы, Ган бы узнал – он встречался с ней лично не раз, просто распознать ее не мог из-за заклятья. Эти две – чужие – пришли издалека. Выдавали их иноземная одежда и акцент – местные так не говорили.

Что за сбор у них тут? Ган прислушался, натянулся струной, вытягивая из памяти пленницы звуки и запахи. Разговор ведьм журчал рекой, шумел ветром, и нельзя было разобрать в нем ни единого слова.

А потом его оборвали.

Гана вышвырнуло из Витиной головы, и громкий, уверенный голос спросил:

– Чем занят, брат? Кого пытаешь да чего пытаешься?

Ган развернулся. Нахмурил брови, наткаясь взглядом на красивое, насмешливое лицо в черной гриве волос.

– Чего тебе надо, Орка? – не спросил, рыкнул, как рычит над честно добытой костью повстречавшая соперника собака.

– Ай-ай, брат. Что же ты самовольством решил заняться? И старцу Инею ничего не рассказал про то... Кстати, что это? Что это еще такое?

Тот, кого звали Оркой, легкой походкой подплыл к Вите, стал разглядывать ее и принюхиваться. Ноздри на широком носу раздувались и опадали, жадно втягивая человеческий, теплый, девичий запах.

– Красивая добыча. Лакомая. Такая ли вкусная, как выглядит? – наглые пальцы подцепили край Ганова плаща, что опять бесстыдно распахнулся, обнажив бледные девичьи бедра, потянули.

Вита резко вывалилась из оцепенения. Сообразив, что сидит нагая перед двумя мужчинами, гортанно вскрикнула и, поджимая ноги, зашипела. Глаза ее при этом были, как у загнанного зверя. Отчаянием и злобой светились.

Ган поймал ее взгляд на миг. В сердце неприятно кольнуло. Добыча. Ни с кем он не станет ее делить! В особенности с Оркой, пусть тот и самый могучий зверь северных морей. Черно-белая смерть. Несокрушимая погибель акул, тюленей и огромных китов. Некому равняться с ним по силе, некому бросать вызов грозным мускулам и челюстям.

Силен морской леопард, но косатка – величайший хищник моря – сильнее всех.

Только Ган не желал отступить, ведь пойманное им принадлежит ему одному. Посмотрел он сперва на пленницу, потом на извечного соперника, так лицемерно величавшего себя его «братом», и заявил:

– Приведи Инея.

– Приведу, – Орка угрожающе дернул губой, оскалил белые зубы.

Он решил, что леопард ставит под сомнение его уверенность. Он подумал, что Ган решил, будто он, бесстрашный Орка, испугается привести сюда их мастера – мудреца Инея. Иней хоть и выглядит тонким и хрупким, как первая наледь на осенних лужах, в ярости он страшен, и магия у него такая, какой нет ни у кого. А еще только Иней, единственный из всех обитателей замка, может лично говорить с Властелином Зимы.

Говорят, он тоже хати – древний дух...

– Приведу, – повторил Орка и, развернувшись, быстро вышел из допросного зала.

Черно-белый плащ подмел снежинки с серых плит на полу.

Нужно было отправить его отсюда. Хоть на несколько минут, под любым предлогом...

Зная, что скоро Орка вернется не один, Ган приблизился к Вите, грубо схватил ее за руку – ледяные наручники-подлокотники растаяли в миг – и стащил с ледяного «трона».

– Отпусти! Не тронь! – Вита забилась, принялась одной рукой толкать его в плечи, а второй зажимать на груди полы плаща.

– Угомонись ты, – зарычал на нее сквозь зубы Ган. – Успокойся. Не дергайся, коли хочешь еще жить.

Секунду она глядела на него с доверчивой надеждой, а потом, решив, что не стоит ждать добра от лютого врага, выругалась мысленно на себя и обреченно рванулась в последний раз.

Плащ остался в руках у Гана. Вита стояла теперь перед ним полностью голая и от этого такая незащищенная.

– Иди к окну, – прозвучал приказ. – Обращивайся и прыгай в море, поняла?

Ган схватил пленницу за руку, силой подтащил к пустому проему, за которым растекалась ночная тьма. Звезды мерцали в ней бледными искрами, и огни нижних миров отвечали им из глубины.

Вита увидела их и уперлась:

– Не могу, там огни. Так близко...

Они действительно были близко. Слишком близко. Такие яркие...

– Прыгай. Другого шанса не будет, – Ган развернул деву спиной к себе, упер ладонь ей между лопаток, и ему показалось, что кожа там раскалена, как сковорода на огне.

– Туда же нельзя, в огни... – продолжая упираться, Вита ощутила, как по щекам побежали предательские слезы.

Слезы ужаса. Слезы отчаяния.

Каждый человек в Игривице – да что там в Игривице, на всем побережье – знал, что нельзя приближаться к подводным огням. Там, где соприкасаются миры, находиться нельзя,

потому что сойдешь с ума. Потому что в безумии ринешься к этой самой межмирной границе, а там неведомые силы разорвут тебя на части, расплющат, изотрут в пыль.

Вите было стыдно за позорные слезы, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. И тело, и сознание единогласно противились мысли нырнуть в испещренную яркими точками воду.

Это верный конец! Верный! Верный...

И все же она нашла силы спросить:

– Ты сам там когда-нибудь плавал? В воде рядом с огнями?

– Да, – не задумываясь, ответил Ган. – И ты проплывешь. Здесь они ниже, чем кажется.

Закрой глаза и плыви изо всех сил прочь. Слышишь?

Вита не ответила, дернула спиной, нервно сбрасывая с себя Ганову руку.

– Отойди и не смотри...

Ган не послушался.

Пленница забралась на широкий подоконник. Воздух за оконным проемом был на удивление тих и спокоен – бешеные ветры и бури не любили приходить сюда. Взмахнула руками и прыгнула рыбкой. Ган припал к окну, наблюдая, как сжимается в воздухе человеческое тело, становясь тугим, черно-белым комком. Пингвин Адели. Килограммов шесть всего-то и будет. Сколько их он пожрал за последнее время? Не сосчитать... И как ей удастся так сжиматься...

Далеко внизу у самого основания стены, птица мягко вошла в воду. Почти бесшумно. Чуткий Ган не расслышал и не увидел всплеска.

Став подводной тенью, Вита стремительно понеслась, петляя высоко в толще, почти у самой поверхности воды. Страх прочно удерживал ее там, не ниже, не выше. И глубже опуститься нельзя – огни затянут, и на самую поверхность не подняться – страшно, заметят из окон слуги Властелина Зимы.

Глава 5. Надежды

Знаешь, что это за лошадь? Это лошадь Багри-Маро

С четырьмя ее главами и ногами восемью...

Ты ее не трогай повод и седлать ее не пробуй,

Не заглядывай ей в очи – или встретишь смерть свою...

Зима уже перевалила за две трети, а Вита все никак не могла забыть произошедшего. Ночами ей являлся во снах Ган и смотрел, и буравил глазами ее бедную голову. А вокруг поднимались ледяные стены с вмерзшими в них кровавыми жилами и обрывками цепей. И огни, огни были всюду, слепили, сияли...

Вита знала, что Ган просто так не отстанет. Такие не отстают. Не доковырялся он в Витиной памяти, не выяснил нужное. Отпустил, чтобы сопернику добыча не досталась. Тому, страшному... Орке...

Так что обязательно вернется Ган и потребует платы за свое сомнительное «добро». Отпустил же? Помог сбежать? А то, что сам пленил, сам мучил – так то не в счет! Прибежит! Прибежит, как миленький! Вот только когда?

Когда...

После того раза Вита больше не ходила на побережье. Обрыскав вдоль и поперек окрестный лес, нашла под сугробами замерзший пруд с бурой водой. Целый день пришлось потратить на то, чтобы пробить желтый, испещренный хвоей и листьями лед. Подо льдом спали рыбы. Замшелые, старые, уродливые... Невкусные. Но все же съедобные.

Каждый раз, принося их домой, Вита думала о море. О его свежей зелени, о ледяных островах, сверкающих, как слезы, о пронзающих водную толщу солнечных лучах и искрящихся косяках рыбы...

Нельзя туда. И здесь, в Игривице, тоже боязно.

Она пыталась успокоиться тем, что прежде слуги Властелина Зимы не заходили в деревню. Они рыскали рядом, но к домам не подходили. Почему? Вита не знала.

Может, колдовство...

И все же, что-то подсказывало, что вопреки всем правилам Ган придет. Заявится, и надо бы его встретить во всеоружии. Чтоб неповадно было в Игривицу ходить. Чтобы узнал наконец – тут ему не замок Зимы, здесь людская территория. Людская и ее, Витина. Не любила она причислять себя к нечисти, к зверью. Человеком хотела быть.

Всегда и во всем.

– Дед, а, дед? Меч отдай! – заявила требовательно старику Каю, пока тот, кряхтя, вырезал деревянную ложку из кривого сучка.

– На что тебе? – Кай нахмурился, глянул исподлобья на внука.

– На то, что враги к нам нагрянуть могут, – пояснила она уклончиво.

Про то, ведь, что у них с Ганом произошло, Вита не рассказала никому. Долетела тогда до родного берега, выскочила из воды и, отдышавшись, заставила себя успокоиться. Только как тут успокоишься? Надо домой идти, а как идти, когда колотит всю от пережитого, а – самое главное – нет одежды? Деду и бабушке можно объяснить – дескать, смыло волной, украли. Они-то Витину тайну знают и все поймут. Понервничают, конечно, на море ходить запретят...

Хуже будет, если Вита в таком виде другим деревенским попадется! Тут не выкрутишься – люди голыми по морозу не ходят. Это лишь нечисти под силу...

И все же она рискнула! В последний момент додумалась нарядиться в мешок. Продрала в нем дыры для рук и головы, надела. Стало немного спокойнее. Жаль, рыбу оставить пришлось до лучших времен – за ней она после вернулась.

Темнота и непогода скрыли Виту от лишних глаз. Ей повезло. Добралась она тогда до родного дома незамеченной...

– Враги, говоришь? Это какие же? – Кай сурово чиркнул ножиком по заготовке.

– Всякие, дед, – заюлила Вита. – Мало ли врагов? Вон в позапрошлом году...

– Я помню, что в позапрошлом году было, поэтому меч не проси.

Тогда, под конец тяжелой зимы, явились в Игривицу тощие злые разбойники. Их было мало, силы они давно порастратили, но голод и холод заставили их броситься в последний раз на уютную деревеньку. Местные в Игривице дали отпор. С вилами вышли, с топорами. Была среди них и пара бывших вояк – так те и вовсе мечи достали. Дед Кай тоже хотел пойти сражаться, но одолел его тогда досадный недуг – сорвал спину, поднимая в козлятнике упавшее бревно-опору...

Вместо него пошла Вита. Пошла и разрешения ни у кого не спросила.

С дедовым мечом и щитом выступила, решительная, окрыленная. Очень хотела. Выскочила за дверь, накинув бушлат и Каев тулуп, чтобы сразу не узнали и не прогнали, а потом, в мясорубке, уже поздно гонять было...

Меч и щит Вита знала с детства. Кай, когда был помоложе, сам ее для развлечения учил. Вкапывал ей во дворе толстое бревно и заставлял рубить его – набивать руку. Каждую по очереди. И левую. И правую. Щит тоже давал. Заставлял держать и вскидывать по нескольку раз подряд. Сперва Вите казалось, что этот круглый, обколотый по краям, тяжелый щит и вовсе от земли оторвать невозможно, даже с ее, оборотневой силой. Но дед заставлял крепко держать и вскидывать. Раз за разом. Сперва по десять раз – до полной уверенности на десятом. Потом больше...

Кай не говорил, где сражался и откуда у него оружие. Не любил эту тему. Вита у бабушки Герды тайно выпытала правду, что был он когда-то наемником и даже плавал на юг с каким-то известным завоевателем... Таким «известным», что имя его вспомнить бабушка так и не удосужилась...

Вита еще раз требовательно глянула на деда, но тот лишь хмыкнул и отвернулся.

– Зачем ты вообще тогда меч оставил, раз сам за него не берешься и мне не даешь? – бросила резко в последней надежде.

И получила.

– Думал, внук у меня родится, воином будет. Ему свой меч передать хотел...

Это был удар в спину. Да не от кого-то чужого, а от деда. Слышала она от него в детстве подобное, но по детскости, по глупости не принимала всерьез. А сейчас слова о внуке прозвучали предательски больно.

Она ничего не сказала. Сжав зубы, сняла со стены тулуп, накинула на плечи и ушла через кухонную дверь на пристроенный к дому двор. Там сняла с крючка плетеные сани, большие и легкие. Взяла топор.

За спиной скрипнула дверь. Раздались поспешные дедовы шаги.

– Вита... Вита, погоди.

Она обернулась, мрачная.

– Чего, дед?

– Ты куда собралась?

– В лес. Нарублю дров и Безногому Хриму отвезу...

– Хриму? Зачем?

– Навожу ему дров до конца зимы и возьму за это его меч. Ему все равно больше не понадобится.

Кай вздохнул. Устало облокотился спиной о косяк. Хрим... В той знаменательной срубке с разбойниками ему боевым топором раздробили обе голени. Думали, не выживет, но потом пришла ведьма и помогла – отделила от тела превращенные в фарш конечности, заживила раны... Так и стал Хрим «безногим».

А могла бы и Вита стать...

– Подойди. На, возьми. – Дед снял с шеи висящий на кожаном шнурке ключ. – Ты прости, если обидел, но сама пойми, была бы парнем, я бы... Я бы не беспокоился. Но ты девка ведь... Тяжело для тебя все это. Ты же знаешь, как мы с Гердой за судьбу твою переживаем, боимся. Мы ведь счастья для тебя хотим, добра, дома, мужа и детишек, хлопот домашних, защитника настоящего...

– Счастья хотите? – Вита болезненно скривилась. – Знаете, видать, какое оно, мое счастье? Сами придумали? А меня спросить не пробовали?

– Вита...

– Дед, я вам жаловалась хоть раз, что мне тяжело? Разве плохо я работаю? Разве не забочусь о вас? Не помогаю?

– Вита, к чему такой вопрос?

– К тому, дед, – внучка, помедлив, забрала ключ, выдав сдержанное «спасибо», продолжила, – я вам такая же опора, какой бы и парень был. Я не хуже внука. А вы меня отчего-то, как хворую козу, все с рук сбывать хотите. Неужто так мешаю?

– Ну, что ты, Вита. Что ты говоришь...

Кай хотел еще что-то сказать, но своевременно замолчал. У внучки характер жесткий, суровый, как февральская ночь. Если язвить начала, огрызаться – лучше не лезть. Да и права она в чем-то. Что было, то было – брали они с Гердой грех на душу, пытались сосватать внучку за «удобного» жениха. Вита как узнала тогда – такой скандал закатила! Пришлось отступить,

и свахе отступные дать. Помнится, Герда очень тогда боялась, что в силу своей оборотневой природы в гневе отдастся Вита тьме, и ведьмины чары хваленые не помогут...

В общем, вывод сделали и с замужеством больше не лезли.

Дождавшись, пока дед уйдет обратно в дом, Вита отправилась в дальний угол двора, где в заброшенной, заваленной хламом пороссячьей клетки – свинью они давно не держали – пряталась дверь комнатки-тайника.

Вита присела, примерилась к скважине. Ключ прыгал, не слушался – руки тряслись от волнения. Обида не желала отпускать – все сильнее точила сердце. Птица внутри дрожала и сердито пушила перья.

– Нельзя сердиться на деда. Нельзя! – урезонила себя Вита, стараясь успокоиться. – Он ведь не со зла, он заботится. Он свой, а на своих нельзя...

Наконец дверца отворилась. Из тайника пахнуло пылью и плесенью. Вита нахмурилась, заметив, что с потолка просочилась на земляной пол дождевая вода, окрасила дерево черным узором.

– Надо будет крышу починить, – сказала сама себе и, пригибаясь, на корточках вползла в каморку.

Меч и щит мрачно ждали в дальнем углу.

Меч был убран в ножны, а щит... Виту он всегда немного пугал. Под слоем намокшей, свалившейся пыли смотрела с него слепыми беззрачными глазами посланница смерти – четырехголовая, восьминогая лошадь Багри-Маро. Она была чужой на дедовом щите. Она явилась сюда с юга вместе со своим прежним хозяином, павшим, как призналась однажды по секрету бабушка Герда, от Каевой руки. Она была изображена на вражеских стягах и на груди незнакомца. Пораженный мастерством тогда еще молодого деда, тот, умирая, попросил его нарисовать Багри-Маро на своем щите. Дед нарисовал, и щит с тех пор будто заговорили...

Вита сглотнула. Протянула руку. Каждый раз, отвыкая от щита и меча, она ощущала благоговение, касаясь их после долгой разлуки. Рука ласково огладила тисненную кожу, прячущую под собой надежный древесный кокон...

Не такой уж надежный, как оказалось. Потянув меч наружу, Вита ощутила сопротивление – ножны отсырели, и на клинке появилась ржавчина.

Вздых разочарования сдул паутину, свисающую с низкого потолка. Надо спасти меч! Срочно...

А вот щит был цел-целехонек. Не то, чтобы совсем цел – шрамы былых сражений надежно въелись в его доски, но сами доски были сухими и крепкими. Как так? Меч отсырел, а щит – нет? И верно, заговорен он...

Потратив пару часов на то, чтобы очистить клинок, Вита вышла на улицу. С собою вынесла охапку ветоши – старую рогожу, какие-то тряпки, гнилой тулуп. Все это «богатство» она приладила гвоздями к покосившемуся, но крепкому еще столбу, что остался от прежнего забора. Новый после разбойничьего нападения передвинули дальше к лесу и сделали выше.

До самого заката, а потом еще во мраке, под россыпью зимних звезд рубила, вспоминая удары и комбинации, чувствуя, как подобно створкам раковины расходятся ребра, раскрывается грудь, и дышать становится легче, свободнее, увереннее.

После, с приятной усталостью вернувшись в дом, Вита взялась за точило. Заметив трясущиеся внучкины руки, Кай забрал у нее клинок:

– Дай я, – произнес миролюбиво. – Не бойся, не отниму.

Вита отдала и принялась завороченно наблюдать за ловкими движениями узловатых, скрюченных, но все еще умелых и ловких дедовых рук.

А потом, запустив в кухню облако пара, пришла из козлятника бабушка Герда. В руках у нее жалобно мякал завернутый в шаль новорожденный козленок. Она опустила его на пол, вытряхнула из теплого кокона:

– Вот, принимайте гостью.

Козочка, еще мокрая, с засыхающими на белой шкурке кровавыми корочками, в очередной раз неуверенно мякнула и сделала на негнущихся пока ножках пару шатких шагов.

– Смотри, какая прыткая, – улыбнулся Кай, – завтра, глядишь, уже ходить научится, а через пару дней и вовсе прыгать начнет!

Вита смотрела на козочку с восхищением. Удивительное существо. И какая неведомая сила в ней скрыта, неудержимая, могучая. Котята и щенки, родившись, слепы и слабы, человеческие дети – беспомощны, а вот козлята... Они и свет сразу видят, и, будучи еще мокренькими, на ножки встают. И идут, а потом бегут. И ничто не может сдержать их... В Игровице говорили – то благодать Козьего Князя. Кто такой этот самый Козий Князь, никто уже толком не помнил и рассказать подробно не мог...

– Пойду, принесу большую корзинку, – сказала Вита, направляясь к двери, – а козочку эту я назову... – она задумалась на миг, подходящее имя никак на ум не шло, – потом придумаю.

Глава 6. Возвращение зверя

С утра Вита колола перед домом дрова.

После щита и меча колун не казался таким уж тяжелым и будто порхал в руках. Мозоли, что сперва расцветали на ладонях алыми пузырями, успели ссохнуться и затвердеть, дав коже дополнительной прочности.

Козочка, которую назвали Веткой, крутилась рядом. За прошедшую неделю она здорово окрепла и теперь белым пушистым вихрем взлетала на собранный в центре двора сугроб, чтобы ринуться с него вниз, лихо изогнувшись в прыжке и гордо задрав к небесам куцый хвостик.

– Ветка, уйди, не мешайся!

Вита махнула на нее, отгоняя в сторону. Приложила руку ко лбу козырьком. Солнце жгло глаза. Скоро весна. Вон, и небо уже стало по-весеннему лазурным, невероятно высоким и необъяснимо чистым.

Не пришел Ган. Значит, и не придет уже. Боятся весну слуги Властелина Зимы. Забиваются в свою ледяную нору, едва только появятся в лесу первые проталины, и первый теплый ветер придет с востока. Значит, скоро Игровица переживет очередную зиму, выстоит.

Вита наколола поленьев и отнесла их к печке. В доме сидеть не хотелось. Прихватив топор и санки, отправилась в лес за хворостом. И за рыбой. Идти в очередной раз к зловонной дыре с ветхими ее обитателями не было никакого желания. Отправиться бы к морю! Броситься птицей в его холодные, обжигающие объятья! Да нельзя...

Вита шла по лесу. Снег пел под ногами, и вторили ему звонкие синицы на высоких елях. Ветка увязалась следом, как ее ни гнали прочь. Любопытная, деловитая козья мордочка качалась теперь в такт шагам над стиснувшими тонкую тропу снежными перинами.

Дорога была знакомая, но впереди блеснуло что-то, и путь вдруг распался веером незнакомых ответвлений. Несколько новых троп растеклись, завиваясь лентами среди темных стволов. Судорога цветных вспышек прошла по ним, резанула глаза.

Вита застыла, вглядываясь в последние всполохи умирающего колдовства.

– Тайные тропы открываются. Что-то случилось! Ветка, уходим домой...

Сунув козленка в санки, она бегом побежала в Игровицу, а за спиною лес шевелился, менялся и жил своей собственной, лишь ему понятной и ведомой жизнью. И происходило в нем нечто пугающее, непривычное, опасное. Что? Вита сказать не могла. Но природное чутье подсказывало – все это лишь начало чего-то важного, судьбоносного и рокового.

Торопилась. Несла важную весть. Хотела первой сообщить! Но в Игривице уже и без Виты заметили странные перемены. Уже обсуждали. Уже обдумывали. В одних домах посмеивались, в других боялись, в третьих махали рукой. Подумаешь, какая блажь там старой ведьме в голову взбрела? Одни дороги откроет, другие спрячет. Весна скоро, а весной у всех что-то меняется. А деревенским разве хуже от того, что путей в лесу больше стало? Только лучше! Больше дорог – проще ходить.

Деду с бабушкой соседи тоже уже рассказали.

Когда Вита, держа под мышкой козленка, ввалилась в кухню, затащив следом хвост из холодного воздуха, соседка, что подросла с вестью первой, встретила ее бодрой фразой:

– А ты слышала, Виточка, такое дело тут приключилось...

– Видела, – коротко ответила Вита, спуская на пол Ветку и присаживаясь на скамью у окна.

Ох уж эта тетка Инга! Все новости всегда первая узнает, все сплетни... Вита посмотрела на соседку. А она здорово изменилась за последние годы. И щеки эти, как песчи брыли, еще сильнее обвисли. И глаза, прежде яркие, черные, как-то посерели. Потускнели...

Старенькая стала, но, молодец, бодрится! Вон как утреннюю кашу за обе щеки уплетает, только за ушами трещит. Бабушка угостила. Тетка Инга тем и живет, что свежие новости на столованье меняет. Ну, что же, в том ее хлеб. Не отбирать же?

Сообразив, что удивить больше никого не получится, соседка повернулась к бабушке, вместе с которой сидела за столом:

– Так вот теперь все думают, гадают, что старая ведьма этими тропинками сказать хотела? Муж мой – уж на что мудрый человек! – решил, будто это она нам всем весенний подарок такой делает. Чтобы новые пути, да на новые поляны, и к побережью – туда, где не боязно. Чтобы сыты мы были и согреты. Чтоб хворост собрали да рыбы наловили. Лесная ведьма хоть и нелюдима, но добра. Это все знают. Она всегда о нас заботится.

– Так и есть, – тихо согласилась с ней бабушка Герда и незаметно переглянулась с Каем. Уж они-то знали о ведьминой заботе поболее остальных.

Вита не стала вступать в разговор. Взяла подойник и ушла доить козу.

В козлятнике, сидя на перевернутой полешке она раздумывала об увиденном. Молочные нити звонко сшили пахучее теплое козье брюхо с глиняным подойником. Натянутые, как струны, струйки пели, взбивали белую пенку...

Все спокойны. Все радуются.

Вита хмурила брови, силясь понять, что же ее так беспокоило. Ну, открылись тропы... Мало ли в лесу троп? Будет больше. И тетка Инга все верно сказала – хорошо это. Вот только почему на сердце тяжело?

Соседка – легка на помине – сунулась в козлятник, сообщая.

– А вечером-то я баню топить собралась. Приходи. Я полешек наколотых у тебя тут возьму, ладно?

– Ладно, – не глядя в ее сторону, краешком губ улыбнулась Вита.

Ган лежал на ледяной глыбе среди моря.

Далекий берег искрился в лучах заходящего солнца, топорщил к небесам голубовато-зеленую лесную щетину. Внизу, в соленой холодной толще, метались стаи рыб, чем-то безумно взволнованных.

Ган опустил нос в воду, и тут же по морде его прошлись гибнущим теплом влекомые течением кровавые ленты. Где-то рядом творилась расправа.

Или охота. Кому как называть...

Лиловый горизонт прятал в дымке очертания замка Зимы. Перед ним, чуть ближе, рассекала зеркальную воду черная коса смерти – острый плавник Орки. Кого он там терзает? Одной тьме ведомо. Дельфина ли, тюленя... А, быть может, попалась ему к своей неудаче отбившаяся от стаи самка кашалота...

Ган снова взгляделся в берег. Там что-то искрилось, поблескивало, переливалось радугой и медленно угасало. Яркие вспышки, перебежки огней и отчаянные всполохи тающей силы.

Магия.

От наблюдения за загадочным действием слезились глаза. Неожиданно в грудь начали приходить странные импульсы, мощные и болезненные. Эмоции стали реагировать на них – сперва навалилась тоска, потом пришло отчаяние...

Ган встрепенулся и недовольно затряс могучей башкой. Потеря мордой о лед. Что за дрянь? Откуда это пришло? Волна отработанной магии, сильной и чужой. Старец Иней рассказывал о таком, когда учил его, Орку и других колдовству. Когда мощное заклятье спешно создается или рушится, от него, как от заброшенного в воду булыжника, расходятся по округе импульсы силы и настигают тех, кто оказался рядом. Только цепляет эта сила не всех подряд, а того, кто сам с ней связан, и «волны» от нее бьются в самую душу, будоражат эмоции и рожают неожиданные чувства, порой несвойственные и вовсе незнакомые.

Что-то случилось там, подле Игривицы. Надо бы разузнать.

Ган тяжело плюхнулся в воду, став легким и быстрым в родной стихии, понесся к берегу. Орка все еще резвился за спиной, выпуская в воду ручьи чьей-то крови. Пусть. Надо добраться первым.

Он обернулся на косатку.

Нельзя привлечь внимания. Орка ведь тоже ищет. И ведьму, и девчонку... Ган вспомнил тот день, когда отпустил Виту из замка Зимы. Передернул шкурой, на которой до сих пор алели страшные шрамы – знак наказания, что получил он тогда от Инея. Память живо нарисовала вздернутую вверх руку, сухую, как прут, и безжалостную. Иней не бил – нет! – Ганова кожа сама разошлась под его взглядом страшными ранами и неделю не желала срастаться... После, в полубреду, ему казалось, что внутренности непременно вывалятся наружу через страшные дыры. А соленая морская вода, попадающая на них, была подобна адскому огню...

Орка тогда сказал, что сам найдет сперва деву, а после ведьму. Он искал, но выследить так и не смог. Морок хорошо скрыл все тропы и следы. Орка упрашивал Хати-Амаро – лесного духа – открыть дорогу, но тот оказался глух к просьбам.

Ган и сам пытался искать. Он раз за разом прокручивал то, что видел в Витиной голове, пытаясь вырвать из клубка неясных образов хоть какие-то намеки на истину. Не получалось. Он даже думал вновь поймать Виту – караулил ее на берегу, но она больше на море не приходила.

Пытался Ган отыскать деревню, но ведьма спрятала ее надежнее прежнего, и слуга Зимы лишь зря петлял по неприветливому заснеженному лесу...

...а теперь все изменилось.

Он знал.

Первым делом, выйдя на берег, Ган увидел тропы, серыми венами уходящие в снега. Раньше тут не было ни одной. Они прятались, скрытые от чужих глаз, а теперь выступили болезненно и ярко. И запахи ударили в нос, густые, насыщенные, бесстыдно неприкрытые. Запахи людей – летопись их ежедневной жизни. Отчетливее всех проступил среди них аромат Виты, и вырисовался ее след на холодном песке у самой водной кромки.

Вита.

Ган невольно облизнул губы и прищурился. Ее запах оказался нереально густым, почти объемным. Будто она здесь. Будто рядом. Закрой глаза – и иллюзия присутствия завершится!

Веки сами сомкнулись, желая проверить догадку, но вместо нее из образовавшейся тьмы родилась картинка. Зыбкое видение – темные влажные доски, розовое тело в клубах пара, словно в облаках. Плеск. Жара. Потeki воды. Треск перегретых камней. Все ощутимо, явно, живо. Только руку протяни и коснись румяной кожи в бисере пота, мокрых волос, змеями стекших на небольшую высокую грудь, на крепкие плечи с отчетливым рельефом...

Фыркнув, Ган резко открыл глаза. Картинка распалась, осыпалась в снег осколками мозаики. Странная связь порвалась.

За спиной садилось солнце.

– Дай коня, – привычно потребовал Ган, и Хати-Йоремуне беспрекословно выполнил просьбу.

В этот раз конь был другой – из камня. Коротконогий, коренастый, низкий. Неудобный. Помучившись на его слишком широкой спине, Ган слез и, плюнув с досады под ноги, отправил его обратно к духу. Конь скрипнул обиженно, глыбой повалился в сугроб.

Начиналась пурга.

В предбаннике соседской бани пахло «вареным» березовым листом и крапивой, вымоченной в кипятке.

Вита остервенело растиралась полотенцем. Оно неприятно щекотало спину. На распаренной коже стремительно меркли узоры страшных шрамов. Их не было видно в обычной жизни – лишь в горячей воде проступали. Уродливая печать давно забытых событий, стертых из памяти навсегда. Вита их не помнила и не хотела вспоминать. Бабушка и дед, возможно, тоже знали, но не сказали бы о причине появления шрама и под пыткой...

Вздохматив мокрые волосы, Вита натянула длинную рубашу и шерстяное платье. Сверху бушлат и тулуп накинула, сунула ноги в меховые сапоги. Эти сапоги с подошвами из акульей кожи, не к случаю нарядные, украшенные синими узорами и обшитые вокруг голени яркой лентой, она купила на ярмарке год назад и все берегла. К чему? Непонятно. В Игровице все Витины дни проходили за тяжелой работой. И праздники здесь были редки.

Собравшись, она вышла в метель.

Весна, чья скорая власть еще вчера ощущалась в воздухе, в каждом порыве ветра, сдала свои позиции. Подступившая ночь сговорилась с зимой. Холодный мрак окутал деревушку, облизал белым выюжным языком, навалился тяжелыми тучами сверху. Нечего о весне мечтать да о тепле думать! Все эти побережья, все леса, все воды – царство Зимы, и теплу тут быть не положено.

Дома Вита заварила травяной чай. Пополз по кухне ароматный запах засушенного лета. Он давал надежду, обещал, что несмотря на непобедимые морозы, на промозглую злую тьму, лето обязательно придет, вернется и подарит зелень трав, тепло и свет.

Подарит жизнь.

За окнами билась буря, швыряла в стены и окна грозди снега. Вита вовремя пришла домой – и так рисковала стать сугробом по пути.

Скрипела крыша. Дергался в печи огонь. Бабушка и дед были в другой комнате, разговаривали тихо.

Бабушка, наверное, вязала при свечах. Свечей в этом году хватало – Вита сама привезла их из города. Много, чтобы долгими зимними вечерами у мрака не оставалось шансов проникнуть в избушку прежде, чем, отправившись спать, пожелают того сами жильцы.

Окно кухни закрывали вязанные занавески, расшитые незамысловатым узором с моржами и тюленями, с ледяными горами, плывущими по бескрайней воде.

Айсберги.

Вита встречала их в море. В Игровице говорили, что все айсберги – уснувшие древние божества. А еще, что есть среди них один – особенный. Ледяной сфинкс – владыка спящих богов. Голова его подобна голове человека, а тело звериное. В его правом глазу живет свет, а в левом – вечная тьма. Взглянет он на тебя правым глазом – откроет будущее. Левым – прошлое...

Сказки.

Вита громко хлебнула и прислушалась.

Будто скрипнула калитка, и захрустел под чьими-то шагами снег. Едва слышно. Пришел кто-то? Странно, что соседские собаки не лают. У деда с бабушкой собак отродясь не было, а вот у тетки Инги аж три. Ее муж – охотник – ходит с ними на лося и кабана.

Лайки.

Молчат лайки...

Вита снова прислушалась. Звуки исчезли. Даже дрова в печи перестали трещать. А потом, душераздирающий, оглушительный, раздался стук. Чьи-то пальцы едва слышно порхнули снаружи по деревянной раме, но Вите показалось в тишине, что звук этот, неожиданный и непонятный, заполнил все пространство.

Она медленно приблизилась к окну и отвела в сторону занавеску. Вышитый морж недовольно сморщился, утянутый в дальний угол. С той стороны, по колено утопая в снегу, стоял Ган. Сыпались ему на плечи последние снежинки утихающей метели.

Он увидел Виту и произнес. Вернее, губы его беззвучно двинулись, обозначая требовательное «Открой». Рука в кожаной перчатке указала в сторону двора. Ган кивнул туда еще раз для надежности, отошел, двинулся к заваленным снегом дворовым воротам, из которых когда-то, в лучшие времена, выходила лошадь.

Вита, бледная, прикрыла глаза, слушая, как стучит сердце, и бабушка с дедом мирно разговаривают...

Пришел!

И теплый уютный мир их дома скоро разрушится, развалится, разлетится под ударами леопардовых челюстей.

Что делать теперь? Что он будет делать? Нападет? Отчего тогда не сразу? Зачем звал, будто говорить собрался? Да что ж это...

Вита быстро взяла себя в руки. Взгляд сам зацепился за прислоненный в углу отполированный и наточенный меч. Гану придется изрядно попотеть, прежде чем Вита снова его пленницей окажется.

В этот раз легко не будет!

Она застыла в освещенном дверном проеме, положив меч на плечо. Глаза, потерявшие источник света – тусклая лампа осталась за спиной – казались черными дырами.

– Зачем пришел? Тебя сюда не звали. – Слишком низкий для девичьего голоса, почти звериный рык...

Ган и не ждал, что его будут встречать с распростертыми объятиями. Кому бы это тут понадобилось? Поэтому действовал осторожно. Девчонка злится. Здесь, в Игровице, она в силе и в собственном праве. Чары спали с окрестных лесов, и истончился вокруг деревушки невидимый защитный круг. Пусть. В самой деревне что-то осталось. Что-то, что еще продолжало сопротивляться, не позволяло Гану колдовать.

И все же это что-то умирало.

Можно было немного потерпеть, но Орка уже дышал в спину. Ган понимал, что пройдет немного времени, и косатка тоже сюда явится. Тогда придется делиться. И объясняться.

Поэтому больше терять времени он не стал:

– Выслушай меня... – начал, но Вита перебила.

– С чего бы мне тебя слушать? Думаешь, я дура? Прекрасно понимаю, зачем ты пришел. Мысли мои дочитать хочешь?

– Хочу, – не стал спорить Ган. Чего уж там скрывать? – И ведьму хочу найти. И ты, если выслушаешь меня, если дашь договорить, сама ее искать захочешь.

Вита сверлила гостя взглядом, в раздумьях хмурилась, нервно перебирала пальцами рукоять меча. Потом, взвесив все «за» и «против» выдала сдержанное:

– Ладно. Говори.

И Ган произнес:

– Я думаю, что лесная ведьма ушла из этих мест. Она бросила вас. Игривица больше не под ее защитой. Ты ведь, надеюсь, уже заметила, что вышли на свет все потайные дороги?

– Заметила, – Вита кивнула, сдержанно и неохотно.

Признавать правоту врага было неприятно, но слова леопарда подтверждались ее собственным ощущением тревоги. Бросила...

Ведьма их бросила!

– И что скажешь теперь?

– А что я должна тебе говорить, зверь? То наши, людские, с ведьмой дела. Если она ушла, значит, нужно ей было. Ничего, справимся сами. Проживем.

– Ты правда ничего не понимаешь? – Ган попробовал приблизиться к Вите на шаг, но округлый на конце клинок угрожающе оторвался от ее плеча. – Ведьма бросила вас, и теперь вы беззащитны! Теперь любой из нас, воинов Зимы, может прийти в вашу деревеньку беспрепятственно. Не только я. Но и Орка, например. И скоро он придет. За тобой.

– Как ты?

– Нет. Не как я. Я с тобой говорю, а Орка не будет. И меч твой не поможет, не думай.

– Считаешь, что я слабая? – В глубине Витиных глаз из ярости родилась тьма.

– Я не считаю. И Орка, быть может, не посчитает. Он сражаться с тобой не будет. Перебьет полдеревни – женщин, детей – и вынудит тебя дать ему то, что он хочет.

– Сволочь... – зубы Виты скрипнули, в горле родился и погас звериный рык. – И чего ты предлагаешь?

– Предлагаю тебе покинуть Игривицу и отправиться со мной на поиски ведьмы. Тогда Орке будет незачем сюда приходить, ему ведь ты нужна...

– А тебе?

– Мне нужна ведьма. Вернее, не мне, а господину моему – Властелину Зимы, – Ган все же сделал шаг навстречу и протянул Вите руку. Тускло блеснула на перчатке темно-серая потертая кожа. – Ну что, согласна на временное перемирие?

Он не ожидал, что девичье рукопожатие окажется таким... Подобным стальной хватке кузнечных тисков. Вита приблизилась к врагу вплотную. Смело – здесь она была хозяйкой. Навершие рукояти меча уперлось в грудь слуги Зимы. Взаимные взгляды натянулись дрожащей нитью напряжения.

Ган заглянул в глаза собеседницы и поразился. В них плескалась ночь, отраженная бездонными водами океана. Тьма, непроглядная, густая, дикая... На миг проступили очертания какого-то существа – скалились острые зубы, утопали в длинном черепе угли-глаза. Оскал, бросок, и все исчезло...

Что это было? Проявление оборотневой ипостаси? Нет. У пингвинов Адели не бывает таких глаз и клыков...

Он снова взглянул на Виту, но тьма уже ушла из ее зрачков.

– Ну, так что? Идем за ведьмой? – уточнил, напрягая ладонь и ослабляя чужую хватку.

– Идем. И только попробуй обмануть меня и ударить в спину, зверь, – обветренные губы Виты передернула угрожающая улыбка.

Вита собралась быстро.

Быстро накинула тулуп. Быстро приладила к поясу ножны. Меч мягко утонул в них, слегка прищелкнув в конце движения.

Сначала Вита не хотела брать щит. Тяжелый он, много сил в долгом пути при ходьбе вытягивает. Потом поняла – брать нужно. Кто знает, когда вернется она назад из своего похода? Каких врагов встретит по пути?

И с чего она вообще о походе думает? Может, неправ Ган – не бросала ведьма Игривицу? Может, старая захворала – вот и ослабла магия?

Может, старуха вовсе померла... Смерть ведь за всеми приходит. И за колдуньями.

– Уходишь на ночь глядя?

Вита обернулась. Сухонькая фигурка бабушки, опутанная шалью, как паутиной, возникла возле печи. Она слышала. Догадалась. Поняла.

И приняла, кажется...

– Надо, – Вита ответила твердо, решительно, хоть ситуация того и не требовала. Никто и не пытался с ней спорить. – С ведьмой что-то случилось. Магия ее истончается. Скоро Игривица как на ладони будет для всех врагов. Ты ведь понимаешь?

– Понимаю.

Бабушка мелкими шагами прошла к сундуку, обитому тюленьей кожей. Вынула из него новый длинный тулуп, повесила на крышку. Вита его ненавидела – то ведь было ее приданое. Когда-то было... Мысли о свадьбе ушли, а ненависть к тулупу осталась.

Но в этот раз Вита спорить не стала. Покорно скинув свой, надела предложенный. Широкий и длинный, как плащ, он доходил до щиколоток. Свернувшийся вокруг шеи капюшон приятно грел кожу.

– Спасибо, я... Ты не переживай, я вернусь. Думаю, скоро.

– Тс-с-с, – Герда приложила к губам палец. – Кай спит. Ему бы твоя идея с уходом не понравилась.

Вита хотела еще раз ее успокоить, оправдаться, но в голове вдруг настойчиво прозвучал призыв Гана: «Скорее, я жду у леса». Пришлось торопиться.

– Мне надо идти, – Вита быстро обняла бабушку и так же быстро отстранилась. – Не переживайте. Я сильная. Я вернусь...

Сказала и вышла в ночь.

Под звездами расчищенное от снега пространство перед домом было чисто и мрачно. Из окон выпадали на снег желтые квадраты света. Поленица в углу казалась зарывшимся в сугроб великаном. Деревья тянули через забор корявые черные ветви...

Вита не рассказала бабушке про Гана. Про их сомнительный сговор и совместную вылазку. И пусть она сомневалась в правильности решения, повернуть время вспять никому не дано. Решено – значит, решено. Значит, нужно идти вперед и быть начеку и по возможности не поворачиваться к леопарду спиной.

Глава 7. В путь

Ган ждал у леса.

Ветер трепал края плаща, дергал волосы, швырял снег в лицо, словно говорил: «Что делаешь ты? Очнись! Вы враги»...

Вита вышла из метели, уверенная и серьезная. За ее спиной тоскливо чернели дома, и теплый дым из труб прощально качался, издерганный назойливыми ветряными порывами.

– Ты быстро пришла.

- Так ведь ты торопил меня!
- Что? – в бесстрастных глазах Гана промелькнул интерес. – В каком смысле?
- В прямом. Сказал «Скорее... жду у леса».
- Сказал, так и есть, – кивнул Ган, – в своих мыслях.
- Вот и я в своих слышала...

Она произнесла это без особого удивления или интереса. Просто озвучила факт. Есть некая связь, они могут «слышать» друг друга на расстоянии. И ей плевать на сей факт. Какая разница? Все равно теперь ничего не изменишь...

Для Гана озвученное стало неожиданностью. При всем своем магическом опыте он не сталкивался с такими вещами. Даже не слышал о них. Теперь непрощенная связь волновала и требовала срочного разъяснения.

Подумал и понял – все началось с той встречи... Первой. Когда читал девчонкины мысли в ледяном зале. Или раньше? Когда смотрел на нее глазами Данияра?

Решив основательно поразмыслить о случившемся позже, Ган вскинул руку:

– Дай коня!

Привычное, будничное, обыденное.

Выбралась из-под ближайшего сугроба какая-то кривая коряжина.

– Шутишь, да? – Вита хмуро кивнула на скорченного монстра, который пытался встать на спутанные ноги.

Не мог – ног было восемь, как у Багри-Маро. Они сплелись косами, связались узлами, заломились в суставах... Наконец, чудище поднялось, приняло окончательную форму.

– В чем проблема?

– Ты поедешь, а мне что делать? Бегом за тобой бежать?

– Ты ведь оборотень, – Ган смерил спутницу взглядом. – Не умеешь просить помощи у духов?

– Нет.

– Ладно. – Ладонь леопарда раскрылась в сторону заснеженного пня. – Дай еще коня, Йоремуне...

Новый конь выглядел еще хуже предыдущего.

Сказать по правде, он и коня-то напоминал очень смутно – походил больше на паука или осьминога. Серебристый повод, сотканный из снежинок, обозначил голову.

Вита быстро подавила сомнения и ловко взобралась на шершавую спину, покрытую остатками коры и мха. Пригнулась к короткой шее. Уже больше года верхом не ездила – с тех пор, как их гнедая кобыла пала прошлой зимой из-за голода и болезни...

Бег у волшебного коня оказался на удивление ровным. Его спина почти не качалась. Он будто плыл над тропой, а Вита смотрела по сторонам и угадывала знакомое. Удивлялась – как умудрялась каждый раз забывать то, что видела много раз?

Без магического морока, дурманящего голову, дорога к дому ведьмы выглядела знакомо. Вот двойная ель. Вот россыпь острых камней. Вот плоская скала – «каменный стол». Все казалось очевидным...

Дорога привела всадников к поляне.

Избушка на ней выглядела мертво. Магия покинула старые бревна, мшистую крышу, окна, похожие теперь на провалившиеся глаза покойника.

Вита сразу поняла – зря пришли. Ведьмы тут нет.

– Опоздали, – озвучила догадку.

Ган чувал иное – внутри еще кто-то был.

Был. И стремительно таял. Угасал.

Чья-то жизненная энергия легкими нитями тянулась из окон, почти осязаемая. Волшебство вокруг ведьминой избы продолжало умирать. Реальная же жизнь погибала внутри...

– Зайдем, – озвучил мысль Ган, соскользнул со спины коня и первым вошел в приоткрытую дверь. – Лежать.

Оба скакуна послушно улеглись на снег.

Вита скатилась со спины своего, скинула щит, приложила к деревянному боку покорного чудища и, вытащив меч, отправилась за леопардом.

В избушке было темно и душно. Пахло уже не травами, а тленом. Сыростью. Мышами. Они тихонько скреблись под полом, и крылось в их шуршании нечто пугающее. Вита внимательно прислушалась, и ей показалось, что невидимые зверьки в подвале не просто грызут ветхий пол, а переговариваются...

В сенях не было развешанных трав. Тусклый свет луны попадал на кривоногую скамью в углу и отражался блестящей монетой в черном жерле деревянного ведра. Под потолком гулял ветер – шевелил паутинки. Они, едва различимые, слабо серебрились в ночи.

Из соседней комнаты донесся звук. Он походил на стон, но был слишком слабым, чтобы распознать его точно.

– Пойдем-ка, поглядим, – предложил Ган.

– Пойдем, – согласилась Вита и шагнула в темноту первой.

Окна внутренней комнаты не пропускали свет, но яркая луна не желала сдаваться и пробивалась внутрь сквозь дыры в занавесках. Она вырывала кусок кровати, стоящей в углу. На подоконнике отчетливо вырисовывался силуэт дохлой птицы с заостренными ногами, драматично вскинутыми к потолку. В центре комнаты черной кляксой застыл силуэт лежащего на полу тела.

– О-о-о-х, – вновь раздался болезненный стон.

Теперь уже точно можно было полагать, что человеческий. Голос вроде бы мужской. И... знакомый.

– Данияр, это ты? – поинтересовалась Вита вслух, но меч на всякий случай покрепче перехватила.

– О-о-о-х...

– Дай свет, – как-то неуверенно потребовал Ган. Яркая вспышка на миг осветила комнату – старую печь, кровать на бревенчатых ногах, стол-пень... И погасла, рассыпавшись ворохом искр. – Темная сила! Чтоб тебя!

Ган выругался и недовольно уставился на чадающую ладонь. Хати-Йоремуне не любил огонь и свет. И всячески намекал на эту нелюбовь. Свет, конечно, дал, но не просто так – с издевкой. На ладони Гана, прямо в центре прожженной насквозь перчатки горел теперь крошечный огонек. Благо, света этого хватало, чтобы озарить осунувшееся, белое, как снег, лицо Данияра.

Парень лежал неподвижно. Руки и ноги раскинуты крестом, как у распятого. Лишь грудь поднимается быстро и тихо – вверх-вниз, вверх-вниз – движение есть, а звука нет.

– Данияр! – Вита присела возле старого знакомого, легонько шлепнула его по щеке.

Парень уставился на нее. Глаза безумные, выпученные. Ничего, похоже, не соображает.

– На нем чары, – додумался Ган и, резко вскинув руку, отправил в сторону Данияра импульс силы.

На секунду тело юноши покрылось инеем, посинело, а потом стремительно оттаяло. Растеклась по полу лужа черной воды. Вода просочилась сквозь половицы вниз, под дом, и там снова кто-то зашуршал, а потом зашептал...

«Перекрестье на воде. Силуэты на ветру. Языки пламени, перья и соль...» – Вита отчетливо разобрала слова... Обернулась на шум – в сенях раздались чьи-то частые звонкие шажки. Прорвало душную тьму жалобное «Мя-я-я».

– Ветка!

Это и верно была Ветка. Отыскав хозяйку, козочка радостно взмахнула хвостиком, скакнула вперед. Тут же из-под пола вырвались полупрозрачные щупальца мрака, опутали ее и принялись душить.

– Мя-я-я...

Вита ошарашено вскрикнула и, бросившись на помощь, рубанула основание ближайшей черной «змеи». Меч легко прошел сквозь морок, расколол половицу.

– Ветка! Прочь от нее! – выкрикнула, задыхаясь от ярости и страха.

Щупальца будто поняли, что цель не та – оставили козленка, принялись извиваться, протянулись к Вите...

Позади Ган взмахнул рукой, поднимая в воздух вихри непонятно откуда взявшегося снега. Острые резные снежинки облепили сумрачного врага, заморозили, превратив в блестящий узел, раскололи...

Убитая холодом тьма звонко осыпалась на пол.

– Ветка, глупая! Как ты сюда попала? – Вита убрала в ножны меч и прижала козленка к себе.

– По следам пришла, – равнодушно предположил Ган, перевел взгляд на Данияра.

Тот больше не стонал. Моргал, вздрагивал, слабо шевелил пальцами – отходил от паралича. Мутные глаза, казалось, не различали ничего вокруг.

– Не убивайте... Только не убивайте... – попросил наконец жалобным голосом.

– Мы тебя не тронем, – успокоила его Вита. – Что с тобой случилось, рассказывай.

Она помогла Данияру сесть. Тот с трудом выпрямился, привалился к печи и, наконец, разглядел гостей. Сперва Виту – обрадовался, узнал. Потом Гана – тоже узнал, стал руками махать, закрываться...

– Уходи, я ничего не знаю и ничего не делал... Это она все!

– Кто она? – Вита переглянулась с леопардом, нахмурилась.

– Ведьма... – хрипло выдохнул Данияр. – Она меня бросила тут, в качестве... Осторожнее!

Он рванулся вдруг, вскинул руки вверх, но не успел. С потолка на Виту и Гана осыпалось что-то белое, похожее на снег. Леопард отскочил было в сторону, но потом, присмотревшись и приняв за осевшую на рукаве белой пыли, выдал разочарованно:

– Это соль. Просто соль.

Вита подняла голову. В потолке зияла дыра. Сквозь нее виднелся разорванный край мешка. Прогнившие, измоченные текущим в дыру на крыше талым снегом, доски красноречиво намекали, что выпавший на пришедших соляной «дождь» – случайность, а не коварный замысел не звавшей гостей хозяйки избы.

– Соль, – облегченно выдохнул Данияр и тут же напрягся. Глаза его забегали по потолку и стенам. – Она и настоящую ловушку тут оставила. Для того, кто первым придет. Осторожнее.

– Видели мы уже эту ловушку, – Ган присел возле парня и пристально посмотрел на него. – А теперь давай-ка, поподробнее расскажи о том, что тут произошло.

– Да чего рассказывать-то? – испугался Данияр, еще быстрее взглядом по углам заметал, будто поймали его за чем-то неприличным или подлым. – Не знаю ничего. Без сознания был...

– Вспоминай, – настоятельно потребовал Ган и пригрозил, – не вынуждай меня лезть в твою голову снова.

– Не надо снова, – Данияр задрожал весь, изо всех сил вжался спиной в стену, будто провалиться сквозь нее желал. – Ведьма ушла, оставила ловушки...

– Тебя почему бросила? Ты же вроде ее ученик? – прищурился леопард.

– И нас. Деревню за что оставила на произвол судьбы? – поддержала Вита.

Данияр погрыз губу, помусолил пальцами ворот испачканной рубахи – ничего, кроме натальной рубахи и нижних штанов на нем в тот момент не было – и шепотом ответил:

– Ведьма сказала, ты всему виной.

Ответил Вите, и она отдернулась, словно выбросившийся из печи лоскут пламени ожег ей лицо. Слова обожгли...

– Я? Я виновата?

– Ты! – Ответил вроде бы Вите, а злой кивок отправил в сторону Гана. – Ведьма сказала, что больше не может защищать Игривицу. Теперь это опасно для нее. Потому ушла.

– Ушла? – Вита гневно сжала кулаки. – Ничего никому не сказав, не объяснив, ушла? Почему в лицо меня лично не обвинила, а вот так, по подлому, бросила нас на произвол судьбы? Не предупредила даже, что деревня теперь всем врагам открыта! За что она так с нами? Пусть бы и наказала меня, за то, что попалась – так то меня, а не всех... невиновных...

Она запнулась и вздрогнула, когда ладонь леопарда легла на плечо.

– Не слушай его. Не из-за тебя ведьма ушла. Я не видел ее лица и путей, когда заглядывал в твои мысли. И в его тоже. Ничего ей тут не угрожало. А если и угрожало, то зачем она почти до самой весны ждала?

– Думай, как знаешь, – тихо прошипел в ответ Данияр. – Моя судьба все равно решена уже, – он запрокинул голову и прикрыл глаза.

– Эй, ты чего? Умирать собрался? – Вита взволнованно тряхнула парня за плечо.

– Я ранен, жить мне недолго осталось...

– Прикидываешься, – не поверил ученику ведьмы Ган, – аура у тебя сейчас, как у здорового. Так что не ври. – Он подошел вплотную, ухватил Данияра за шкирку и поставил на ноги. – Идешь с нами.

– Куда еще?

– Ведьму искать... – начал леопард.

– ... и ответа от нее требовать, – закончила Вита.

– Так вы заодно теперь? – голос Данияра наполнился презрением.

Парень стоял на ногах, качаясь, и остатки призрачной соли ссыпались на него с потолка. Частицы искрились в воздухе – самая суть волшебства. И травы, истлевшие, серые, свисали с гвоздей на заплесневелых балках...

– Нет, – первой ответила Вита. – Ведьму найдем, а там... Там я сперва спрошу ее, почему она нас бросила, а потом... если причина и впрямь у нее уважительная... не бойся, я ее слуге Зимы не отдам!

– Не отдашь? – Данияр хрипло расхохотался. – Да кем ты мнишь себя, девчонка деревенская? Вздумала, будто ведьминой судьбой распорядиться можешь?

– Так ведь она моей распорядилась, вот и за мной дела не станет.

Ответ вышел жестким, злым. Вита сама не могла понять, почему поступок ведьмы вдруг так взбаламутил ее душу. Вроде бы все понятно... а с другой стороны непонятно, тьма побери! И от этой неясности обидно и яростно на сердце становится...

– Ладно, хватит разговоров, – Ган прошел через комнату к выходу и остановился у двери. – Идем следы ведьмы искать.

– Идем, – Вита подняла на руки Ветку и пошла следом за леопардом.

– Меня подождите, – не стал больше спорить Данияр. – Сейчас только оденусь, а то холодно на улице. Проклятая зима...

Они шли через лес.

Ган впереди, следом за ним Данияр, последней – Вита.

Двигались на юго-восток, и скрытое за горизонтом солнце уже сочилось между черных древесных стволов утренним золотом...

Нужное направление определил Ган. Нашел-таки, хоть ведьмина поляна и хранила тайну своей хозяйки с особой верностью. Но леопард был настойчив. Он обыскал каждый сугроб, залез в каждый бурелом. Магия везде выглядела истонченной и полумертвой. Лишь в одном месте она отозвалась на посланный импульс с живостью и чистотой.

Едва заметная тропа вела на юго-восток.

– Здесь.

– Туда идти? – с сомнением протянул Данияр, глядя на выступающие над снежными кучами колючие дуги ежевичника. – Там дальше только древний колодец с кровавой водой и...

– ... и большая дорога на Аград, в которую эта тропка с холма стекает, – развеяла его сомнения Вита.

– Значит, в Аград ушла ведьма, – Ган сделал первый шаг по пути той, кого все они так жаждали найти...

За спиной его захрустело, загрохотало...

Вита выругалась, Данияр растерянно охнул, а Ветка, напуганная до полусмерти, кинулась под ноги хозяйке.

Ган обернулся. Взгляд его вплеся в узор остальных взглядов, обращенных на повисшие в воздухе клубы взметенных снежинок. Избушка Чернорозы разрушилась на глазах, оборачивалась хаосом бревен, камней и изломанных веток в сизой чешуе лишайника...

– Морок, – Данияр непонимающе затряс головой, – да как же это? Мы ведь с ней жили тут? Я жил...

– Не изба, – Вита вдруг отыскала в памяти тот единственный момент детского воспоминания, где ясно была зарисована таящаяся под буреломом землянка. – Ведьма под землей жила. Я помню.

Она первой бросилась к бревнам и, ухватившись за ближайшее, оттащила его в сторону.

Ган присоединился к раскопкам – посланный импульс силы обернул все дерево в тонкую ледяную «кожуру». Пасс руки – и бревна заскользили к краям поляны. Завал очистился. С ним и крыша исчезла, открыв темную дыру в земле. Из нее полз густой черный дым или пар. Волшебство, почти умершее кругом, в нем еще наполнилось жизнью и силой.

Только это было не ведьмино волшебство.

Чужое...

Вита приблизилась к краю провала. Тьма отступила, дав дорогу. Через отмеченный вросшим в землю бревном край землянки было видно, как в подтаявшем мраке на самом дне бесшумно двигаются какие-то существа. Никого из них не получалось рассмотреть целиком – тут и там мелькали покрытые слизью костяные панцири, куски прозрачных мятых крыльев, какие-то шипы, пятна блеклых тканей, усы и хвосты... или щупальца...

– Не подходи, там слуги Хати-Мятанеминэ – духи разложения.

Ладонь Гана предупреждающе коснулась Витиной спины, но была тут же сброшена быстрым и уверенным движением плеч.

– Я их и не боюсь.

– Не ходи, – эхом Ганова рыка прозвучал тихий и испуганный голос Данияра...

Но Вита не послушалась. Сделала еще шаг в сторону кишящей молчаливыми тварями бездны.

Сердце колотится, слова про духов медленно вонзаются в мозг. Ничего хорошего. Там тебя не ждет ничего хорошего... И вдруг чья-то острозубая улыбка из глубин сознания. Таинственный призрак, готовый поддержать странное желание заглянуть в этот кишящий мерзкими слизистыми созданиями морок... Единственный, кто не предостерегает, не пытается остановить. Наоборот... Он только «за». Он как мутное отражение в старом зеркале, где уже сложно что-то разглядеть толком, и лишь память по старинке подсказывает, что там, в глубинах потеряного зазеркалья все еще ты... «Если хочешь, то посмотри на меня, Вита... Ведь ты – это я»...

Заманчиво. И пугает одновременно.

Вита обернулась по сторонам. Только темное золото сосновых стволов вокруг. Только дымчато-зеленые саваны елей. Встревоженное лицо Данияра. И даже Ган какой-то беспокойный. Он больше не пытается касаться ее своей холодной ладонью. Он не станет останавливать – понял, что лучше не трогать. Хотя впервые за все время их недолгого знакомства, на его лице отразилось нечто похожее на волнение...

И она заглянула.

В тот же миг кто-то зашептал в голове, где-то у самых границ восприятия. Вита не разобрала ни слова, если вообще они там были... Слова... Духи разложения, видимо, тоже услышали шепот и закопошились, стараясь поскорее уползти в толщу промерзшей черной почвы.

Вскоре на дне осталась только тьма. Такая непроглядная и холодная, что Вита невольно прикрыла ладонью лицо. Из-под земли выходил поток ледяного воздуха, от которого кровь стыла в жилах, и кожа немела... «Не бойся и не отступай», – голос снова появился и стал подначивать. «Смотри!»

И Вита смотрела. И не верила своим глазам. Внизу, на полу бывшей землянки, все еще скрытом темнотой, проступили, вычерченные мутным светом, расплывчатые очертания скелета какого-то существа...

– Отойди от края.

Крепкая хватка. Плечи будто сталью сковали...

Ган оттащил Виту от края, через который она уже была готова опрокинуться в страшную яму...

– Что это было? Ты видел? – она тяжело плюхнулась на снег и принялась тереть виски. – Проклятье...

– Видел. Я же сказал тебе – там духи...

– И кости! Они светились.

– Я не видел костей, – Ган сосредоточенно взглянул на Данияра. – А ты что заметил?

– Д...духов, – заикаясь, произнес ученик ведьмы. – Надо уходить отсюда скорее. Эти духи, помощники владыки разложения, опасные. Они там сейчас колдовство госпожи Чернорозы доедали, но по большому счету им все равно. Они и нашу с тобой магию чувствуют... и не побрезгуют ею, если что.

– Данияр, что за кости там у ведьмы на полу землянки? Отвечай, – потребовала вдруг Вита.

– Нет там никаких костей.

– Я видела.

– Ничего ты не видела. Это, наверное, духи мираж сотворили, а ты и подумала... – парень тяжело вздохнул, последний раз взглядываясь в то, что осталось от казавшейся такой реальной ведьминой избушки. – Тут все обман. И я в этом обмане жил. Поэтому просто не спрашивай меня ни о чем...

Глава 8. Таверна

Всю дорогу Вита думала о костях. Они никак не шли из головы и светились в памяти белым мертвенным светом. Почему они так манили? Почему показались только ей? Данияр и Ган вряд ли ввали, говоря, что не видят...

А еще голос в голове. Сегодня он был особенно настойчив.

Сказать по-честному, он-то Виту не особенно смущал. Незнакомый говорил с ней давно, с самого детства – сколько себя помнила. Быть может, у всех есть такие голоса? Иногда они пробуждаются и хвалят... или советуют. Бросают редкие скупые фразы, а потом исчезают – тонут в глубинах сознания. Только вот, кто признается в разговорах с самим собой? Разве

что деревенский пьяница Тод? Он, как напьется, всегда болтает со своим давно умершим братом-близнецом Тодаром...

Не близок путь до Аграда, а тут еще сильная метель вновь поднялась. Колючий снег вцепился в лица, издергал полы одежды. И без того полудохлая тропка растаяла в завывающей белизне...

– Может, остановимся? – жалобно протянул идущий последним Данияр.

– Тут до таверны недалеко, – отозвался Ган.

Снег засыпал его плечи и спину. Собрался сугробом в капюшоне плаща. Слугу Зимы это совершенно не беспокоило. Он привык к вечному холоду и давно стал равнодушен к связанному с ним естественному человеческому беспокойству. Непогода не страшила Гана ни в море, ни на суше, чего нельзя было сказать о его спутниках.

Данияр здорово замерз. Он зажег на ладонях две огненные искорки, но тепло их, слишком слабое, не могло дойти даже до кончиков пальцев, не то что спасти от мороза все тело.

Вита беспокоилась не за себя, а за козленка. Ветка, спрятанная за пазуху, дрожала. Непонятно от чего – то ли от холода, то ли от страха. А еще ее надо было чем-то накормить. Козлят в таком возрасте поют молоком, на худой конец, сваренной на молоке жидкой кашкой...

И Вита поддержала Гана.

– Потерпи, Данияр, до таверны должно быть не так долго идти.

– Как же, недолго. Мы еще до колодца с кровью даже не... – ученик ведьмы запнулся, вглядываясь в круговерти метели. – Дошли...

Впереди из сугробов выступало что-то черное, неприглядное.

Колодец.

Неровная кладка с зияющими дырами от вывалившихся камней пряталась под покосившимся навесом. Снеговая шапка почти подломила своим весом одну из опор, но росшая рядом молодая сосна подставила ей неокрепшее плечо.

– Идемте, – поторопил Ган.

– Надо бы кровавой воды с собой взять, – предложил Данияр. – Она раны хорошо заживает. Продадим потом... или самим пригодится.

– Набирай, – кивнул леопард, а сам чутко к окружающим звукам прислушался.

Было в них что-то неприятное. Кто-то звучал, как летучая мышь или кит, за пределом слуха. Переговаривался. Шелестел заправленным толстым покрывалом снега лесным опадом...

Данияр быстро приблизился к колодцу, скинул со спины тощий вещевой мешок, порылся в нем, вынул склянку и, привязав за горло свисающей с каменной кладки веревкой, опустил.

Вита подошла к парню и тоже в колодец заглянула. Сначала глазам своим не поверила – там, внизу, багровела полупрозрачная водная толща, из недр которой сияли огни.

Знакомые...

– Это же...

– Огни нижнего мира, – Ган оказался рядом и тоже посмотрел вниз.

Метель успокоилась, когда вышли к озеру.

Смоляная вода лизала ближний берег. Дальний, невидимый, тонул во мгле. Это озеро, сохранившее древнее имя Ярын-наен, не замерзало даже в самые холодные зимы. И вода его была темна. Она наполнилась буроватым торфяным сумраком. Зимой он был подобен утонувшей ночи, а летом чайно-золотист...

Они стояли на круче.

Тропинка, петляя, спускалась вниз и раздваивалась почти у самой озерной кромки. Ново-рожденные пути расходились в разные стороны.

Улегшийся, было, ветер спешно порхнул из-под ног, словно хотел утащить прочь слабый запах еды, принесенный со стороны торчащего прямо из воды строения. Ган потянулся носом за этой жалкой крохой тепла и уюта, отыскал взглядом цель – горстку светящихся окон на далекой стене таверны.

Она стояла на высоких сваях, окруженная широким помостом. Он тянулся по всему периметру. Черные смоленые доски местами проломились, в дырах пел ветер. На берег вел широкий мост без перил. За ним начинался огороженный забором участок суши, где стояли дровяники, покосившиеся сараи, сани, будки... Возле будок возились какие-то твари, натягивали привязь... Было слышно, как они ворчат друг на друга, и звякают звенья цепей – аккомпанемент для их неприятных голосов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.